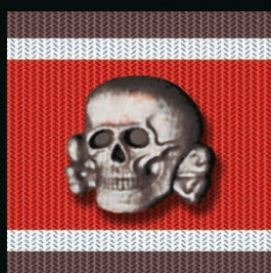

Х А Й Н Ц Х Ё Н Е

ОРДЕН
«МЕРТВАЯ
ГОЛОВА»

Хайнц Хёне

СС. Орден «Мертвая голова»

«Центрполиграф»

Хёне Х.

СС. Орден «Мертвая голова» / Х. Хёне — «Центрполиграф»,

Империя Генриха Гиммлера надежно хранила свои секреты. Даже самые видные руководители Третьего рейха не могли контролировать деятельность СС. Только падение гитлеровского режима открыло тайны этой организации. В подробном повествовании Хайнца Хёне предстает панорама апокалиптического расового безумия. Автор использовал документы Международного военного трибунала в Нюрнберге, дневники, письма и многочисленные монографии.

© Хёне Х.

© Центрполиграф

Содержание

Введение	5
Глава 1	14
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хёне Хайнц

СС: орден "Мертвая голова"

Введение

Они носили черную форму. Они держали нацию в страхе и присягали своему фюреру на вечную верность. На кокардах был изображен череп – «мертвая голова», которую их дивизии пронесли по всей Европе. Их высшим символом был сдвоенный древнегерманский знак победы «зиг». Они уничтожили миллионы людей.

Все сферы жизни немецкого народа были под их неусыпным контролем. Они командовали в полиции и спецслужбах, охраняли рейхсканцелярию и концентрационные лагеря, занимали ключевые позиции в сельском хозяйстве и в здравоохранении, в науке и в национальной политике. Им удалось просочиться в традиционную твердыню дипломатии и захватить командные высоты в чиновной иерархии.

Их официальное название – охранные отряды Национал-социалистической германской рабочей партии, или Schutz-staffel, сокращенно – СС. Они ощущали себя, как сформулировал гауптштурмфюрер СС Дитер Вислицени, «сектой нового типа, со своими собственными нормами и обычаями».

Непосвященному не дано было заглянуть во внутренний мир тайной секты СС. Она оставалась для простых граждан такой же пугающей и непостижимой, как орден иезуитов, против которого органы СС официально боролись, однако при этом подражали ему до мельчайших деталей. Руководители черного ордена сознательно культивировали в народе страх перед собой. «Тайная государственная полиция, уголовная полиция и служба безопасности окутаны таинственным ореолом политического криминального романа», – с удовольствием признавал шеф полиции безопасности обер-группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Сам же гроссмейстер черного ордена рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер говорил не без удовлетворения: «Я знаю, что в Германии есть люди, которым становится плохо, когда они видят наш черный мундир, мы понимаем это и не ожидаем, чтобы нас любили».

Люди чувствовали, что некая тайная организация разбросала над рейхом огромную тончайшую сеть, однако разглядеть ее они были не в состоянии. Немцы могли слышать лишь чеканный шаг черных колонн по асфальту и рвущиеся из сотен глоток песни-лозунги:

СС на марше, прочь с пути!
Сметут они тиранов. Свобода впереди!

И еще, и еще раз в маршевом ритме: «Мы черные отряды! И смерть повсюду рядом! Готовы бой принять!»

Тысячи и тысячи невидимых глаз наблюдали за каждым шагом соотечественников. Гигантский полицейский спрут крепко держал в своих щупальцах нацию. 45 тысяч чиновников и служащих гестапо, разбросанных по 20 головным отделениям (Leitstellen) и 39 отделениям (Stellen) рейха, а также по сотням комиссариатов пограничной полиции, фиксировали любые крамольные проявления. 30 высших руководителей СС и полиции во главе армии в 65 тысяч сотрудников полиции безопасности (Зипо) и 2,8 миллиона служащих полиции порядка (Орпо) отвечали за государственную безопасность. 40 тысяч охранников и надзирателей терроризировали в 20 концентрационных и 160 трудовых лагерях сотни тысяч мнимых и настоящих врагов диктатуры. 950 тысяч солдат войск СС, в том числе 310 тысяч так называемых «фольксдойче» – этнических немцев, живущих в Юго-Восточной Европе, и 200 тысяч иностранцев,

наряду с вермахтом, постоянно находились в боевой готовности, не забывая при этом о слежке за своими военными коллегами-соперниками.

Стотысячная теневая орда агентов и информаторов службы безопасности (СД) ежедневно контролировала дела и мысли сограждан. В университетах и на производстве, в крестьянских хозяйствах и на государственной службе вылавливалась любая представлявшая интерес информация и перекачивалась затем в берлинский Центр.

Но о том, что происходило внутри СС, тем более о мыслях, витавших в империи Генриха Гиммлера, ни слова не могло проникнуть во внешний мир. Рейхсфюрер внимательно следил за тем, чтобы члены его ордена не входили в близкие контакты с обывателями. Гиммлер запрещал фюрерам СС принимать участие в гражданских юридических тяжбах с частными лицами, чтобы не дать суду возможность заглянуть во внутреннюю жизнь СС. Имперскому министерству экономики было отказано в информации о хозяйственной деятельности принадлежавших СС предприятий. Для тех подразделений «Мертвая голова», которым вверена была охрана концентрационных лагерей, Гиммлер издал специальный приказ: «Первое: ни одна часть не может проходить службу по месту формирования. Померанской роте категорически запрещается служить в Померании. Второе: каждая часть по истечении трех месяцев должна быть переведена на новое место службы. Третье: части „Мертвая голова“ запрещается использовать при городском патрулировании».

Даже самые видные руководители Третьего рейха не могли себе позволить заглянуть за кулисы черной секты. «Я ничего не знал о деятельности СС. Вряд ли человек со стороны вообще способен что-либо рассказать о гиммлеровской организации», – заявил в 1945 году Герман Геринг.

Только падение Третьего рейха сбросило завесу тайны с империи черного ордена. Тогда в качестве обвиняемых в подготовке войны и совершении других немыслимых преступлений скамью подсудимых Международного военного трибунала в Нюрнберге заняли люди, долгие годы руководившие охранными отрядами.

В протоколы военных трибуналов союзников попали данные, тщательно скрываемые аппаратом СС. Из показаний свидетелей и представленных обвинением улик сложилась картина апокалипсического расового безумия. Черный орден предстал миру как гильотина, управляемая психопатами – фанатиками расовой чистоты. Предъявлен страшный счет: уничтожено от 4 до 5 миллионов евреев, ликвидировано 2,5 миллиона поляков, убито 520 тысяч цыган, казнено 473 тысячи русских военнопленных, в рамках программы эвтаназии в газовых камерах умерщвлено 100 тысяч неизлечимо больных.

30 сентября 1946 года судьи союзников вынесли приговор гиммлеровским СС, объявив их преступной организацией на основании того, что «СС использовались для целей, которые являются преступными и включают преследование и уничтожение евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, жестокость при управлении оккупированными территориями, осуществление программы рабского труда, жестокое обращение и убийство военнопленных». Вывод: в преступлениях подозреваются все лица, «которые были официально приняты в члены СС... которые стали членами этой организации или оставались таковыми, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых как преступные в соответствии со статьей 6 Устава». (Имеется в виду Устав Международного военного трибунала, принятый 8 августа 1945 года в Лондоне. – *Примеч. пер.*)

Нюрнбергский приговор превратил эмблему СС в знак политической преступности, в каинову печать, которая отныне стояла на всех, кто когда-либо надевал черную форму. Охранные отряды – еще недавно собирательный образ самозванной национальной элиты – обратились в «армию прокаженных», как сказал в порыве жалости к себе самом, генерал СС Феликс Штайнер. Приговор союзников имел однако, один серьезный недостаток: он не уточнял, как могли более миллиона человек коллективно и одним махом превратиться в массовых убийц.

Он также не объяснил источник силы СС, давший им возможность сделать расовые фантазии нацистского режима кошмарным фактом реальности.

Бывшие эсэсовцы не могли или не хотели раскрыть эту тайну. Одни находили выход в том, чтобы притвориться, буд то вообще ни о чем не знали, другие же сваливали всю ответственность на тех, кого уже не было в живых. Первой робкой попыткой самокритичного осмысления проблемы перед широкой общественностью можно считать книгу «Великая химера», написанную в 1948 году бывшим унтерштурмфюрером СС Эрихом Кернмайром под псевдонимом Керн. Однако затем в Западной Германии, в благодатной атмосфере «реабилитации» и восстановления жизни, начала появляться оправдательная литература. Бывшие фюреры СС твердо верили в короткую память современников. Например, ветеран войск СС оберстгруппенфюрер Пауль Хауссер на Нюрнбергском процессе отзывался о Гиммлере как о человеке «совершенно не военном» и не мог припомнить случая, чтобы Гиммлер когда-либо появлялся в расположении воинских частей. Штурмбаннфюрер СС Бриль заявил, что всегда воспринимал так называемые «альгемайне (общие) СС» как добровольное объединение, к которому войска СС не имели никакого отношения. Эсэсовцы не устали утверждать, что никогда не учились расовой ненависти.

Между тем заговорили и бывшие узники концлагерей. Люди, пережившие нацистский террор, дали свое объяснение загадке черного ордена. СС являлись монолитной организацией, управляемой демонической волей одного человека. Охранные отряды, состоявшие из людей, фанатично преданных идее, и «жаждущих власти функционеров без чести и совести», постепенно захватывали все руководящие позиции в Третьем рейхе, чтобы в итоге создать «хорошо отлаженную и полностью контролируемую систему рабов – господ». Это слова бывшего узника Бухенвальда, профессора Дармштадтского института политики Ойгена Когона. В своем знаменитом труде «Государство СС» он изображает верхушку черного ордена единой, тесно спаянной, готовой на все кликой. «Каждый шаг запланирован и просчитан до мелочей, каждая цель преследуется с запредельной, не поддающейся нормальным представлениям жестокостью». Только такими методами, утверждает аналитик Когон, и могла быть создана крепчайшая структура «государства СС», которое покорило сначала партию, затем Германию и, наконец, всю Европу.

Иными словами, концентрационный лагерь был моделью эсэсовского государства в миниатюре, и именно СС являлись истинными хозяевами в гитлеровской Германии.

Таким образом, Ойген Когон запустил в оборот цепкую теорию, объясняющую суть феномена СС. Даже сидящий в камере смертников в 1948 году генерал СС Отто Олендорф написал: «Этого Когона нам придется принимать всерьез».

Отдавая должное профессору, надо все же признать, что его теория допускала некоторые оговорки, но другие умы принялись тут же рисовать в еще более черных красках картину безраздельной власти СС. Английский историк Джеральд Рейтлингер в «Окончательном решении» описывает «империю Гиммлера» как «государство в государстве, сравнимое, пожалуй, лишь с русским НКВД». Биограф Эйхмана Комер Кларк убежден, что охранные отряды «принесли тень нацистского террора почти в каждый дом на Европейском континенте», а на взгляд французского писателя Жозефа Кесселя, вся Европа была под пятой эсэсовского сапога: «От Арктики до Средиземноморья, от Атлантики до Волги и Кавказа – все лежали ниц у его [Гиммлера] ног».

И чем большую власть приписывали немецкие и иностранные авторы черному ордену, тем ярче и страшнее становился портрет его «рыцарей».

«Глаза эсэсовцев, с их мертвым рыбьим блеском, выдающим полное отсутствие внутренней духовной жизни, имели „общий знаменатель“, – находил бывший узник Заксенхаузена издатель «Дойче рундшау» Рудольф Пехель. Он утверждал, что просто по выражению глаз может распознать ищейку из СД. Когон видел в членах СС «внутренне глубоко неудовлетво-

ренных людей, зачастую по тем или иным причинам потерпевших неудачу в жизни». Средний состав гестапо, по его мнению, изобиловал «опустившимися существами». В армию осведомителей СД, согласно Когону, влились отбросы всех слоев общества, отторгнутые аристократией, буржуазией, чиновничеством и рабочим классом.

Исчерпав отрицательные эпитеты, сторонники теории «государства СС» прибегали к формулам новейшего психоанализа. Так, согласно бывшему заключенному Освенцима Эли Козну, «эсэсовцы, за редким исключением, были в массе обычными людьми, которые под воздействием преступного „суперэго“ превратились в обычных преступников». Другой психолог, Лео Александер, сравнивал черный орден с бандой гангстеров – и тем и другим присущи одинаковые нормы морали: «Если один из членов совершает проступок, ставящий под сомнение его преданность организации, его либо ликвидируют, либо заставляют совершить нечто такое, что навсегда свяжет его с организацией. С незапамятных времен в уголовном мире таким деянием считалось убийство».

Тем временем у школы Когона появились оппоненты. В 1954 году в своем социологическом исследовании немецко-американский публицист Карл О. Петель задавался вопросом, а можно ли всех членов СС оценивать столь однозначно: «Эсэсовская среда состояла из людей разного типа... Встречались преступники и идеалисты, тупицы и интеллектуалы». Доктор Эрменхильд Нойзюсс-Хункель в опубликованной в 1956 году работе об СС утверждала, что «различие в функциях многочисленных подразделений гиммлеровской организации означает также и различие в характере членства в СС». Она пришла к выводу, что не более 15 процентов из общего числа членов черного ордена были напрямую задействованы в нацистской системе тирании: из 800 тысяч списочного состава СС на 1944 год 39 415 человек служили в главных управлениях СС; 26 тысяч – в так называемом «полицейском усилении»; 19 254 – в подразделениях полиции безопасности и полиции порядка на оккупированных территориях, менее 6 тысяч – в аналогичных службах внутри страны и 2 тысячи – в охране концлагерей.

Изучение архивов СС, рассекреченных союзниками, внесло новые коррективы в послевоенный портрет черного ордена. В первую очередь под сомнение попала книга Когона. Документы показали, как много неточностей допустил профессор в датах, цифрах и именах, когда дело не касалось его личного опыта в Бухенвальде. Уже ранее было замечено, что с каждым новым переизданием книги дармштадтскому профессору приходилось опровергать самого себя.

Однако примечательно, что, хотя профессиональные историки и начали корректировать расхожие стереотипы в летописи охранных отрядов, сами немцы это полностью проигнорировали, и не без оснований: исчезновение догмы о всеобъемлющей власти СС угрожало разрушить алиби нации!

Разоблачения массовых преступлений СС немцы воспринимали одновременно с негодованием и облегчением. С негодованием – потому что эти преступления покрыли их фатерланд позором на многие десятилетия, а со вздохом облегчения – потому что тезис о всепоглощающем, абсолютном могуществе черного ордена давал возможность старшему поколению ускользнуть от прошлого. Если гиммлеровская организация была на самом деле настолько мощной структурой, что способна держать в железном кулаке весь народ, говорили они сами себе, то для простого бюргера было бы чистым самоубийством критиковать режим, не говоря уже об активном ему сопротивлении.

Разоблачение преступлений черного ордена воспринималось многими немцами с известной долей удовлетворения: все эти ужасы стали хорошим алиби, оправданием нации перед собой и перед всем миром. В сравнении с тем, что натворили гиммлеровские головорезы, преступления остальных стали выглядеть тусклыми и незначительными. Еще в 1946 году адвокат армейской верхушки – ОКБ – на Нюрнбергском процессе Ганс Латернзер заявлял: «Вожди СС в любом случае должны умереть. Так пусть все останется на их совести. Щит вермахта должен

остаться незапятнанным!» Позднее, когда из американских источников стало известно, что сам Гиммлер какое-то время заигрывал с заговорщиками 20 июля 1944 года с целью убийства Гитлера, историк Ганс Ротфельс призвал своих немецких коллег не слишком увлекаться этой версией: «В истории немецкого подпольного движения нет такой главы „Гиммлер“».

Но германские историки словно бы поставили для себя табу на тему СС. Из-под их пера не вышло ни одного труда об охранных отрядах, ни одного исследования о нацистском полицейском аппарате, ни одной научной работы о восточной политике Гиммлера. Они тщательно скрывали свои мысли о самой чудовищной организации, когда-либо существовавшей на их земле. В итоге немецкие ученые оставили поле деятельности иностранцам, которые с разной степенью сочувствия, профессионализма и информированности принялись исследовать новейший период немецкой истории.

Такие труды, как «Истребление европейских евреев» американца Рауля Хильберга и «Германское правление в России» его соотечественника Александра Далина, можно смело отнести к серьезным базовым исследованиям. Однако большая часть работ, переведенных и опубликованных ведущими немецкими издательствами, страдает от недостатка фактического материала и ничего не добавляет к имеющейся картине.

Так, французский писатель Жак Деларю опубликовал свою «Историю гестапо», даже не ознакомившись с важнейшим источником по теме – ныне доступными документами из личного кабинета Гиммлера. Другой «летописец» гестапо, английский журналист Эдвард Кренкшоу, по-видимому, не в состоянии различить сферы компетенции государственной тайной полиции и эйнзацгруппе – оперативных карательных отрядов СС, действовавших на Востоке. Француз Жак Бенуа-Мешен, автор десяти томной «Истории германских вооруженных сил», обошелся с «заговором Рема» парой цитат из Гитлера и старых газет. Естественно, в результате автору удалось лишь подтвердить выводы, декларированные ранее самими нацистами.

Когда история пишется с такой легкостью, эксперты должны быть готовы «к работе над ошибками».

Первый серьезный труд принадлежит Ханне Арендт, немецко-американскому политологу. Ее книга «Эйхман в Иерусалиме» впервые дает по-человечески достоверный портрет видного эсэсовца. В том же 1963 году молодой историк Энно Георг на примере хозяйственных предприятий СС показал, насколько разными были люди, объединенные эмблемой с двойным зигзагом. Вскоре после этого Мюнхенский институт современной истории опубликовал работу Ганса Буххайма «СС и полиция в национал-социалистическом государстве», а также двухтомник «Анатомия государства СС» как противовес широко распространенной привычке приукрашивать факты эмоциями «во имя высшей истины, пусть даже в ущерб правде исторической». Из-за океана их поддержал немец по рождению Джордж Х. Стейн, профессор нью-йоркского Колумбийского университета, издавший первый труд о войсках СС, вполне соответствующий научным требованиям. Стейн делает следующий вывод: «Доктрина преступного заговора и коллективной вины, сформулированная в эпоху Нюрнбергских процессов, больше не может удовлетворять серьезных ученых. Не уменьшая масштаб диких преступлений гиммлеровских приспешников, последние исследования показывают, что на самом деле охранные отряды были более разнообразной и сложной организацией, чем тот преступный супермонolit, который был представлен миру на скамье подсудимых Международного военного трибунала».

Но и сторонники такой точки зрения еще пока не могут полностью избавиться от призрака «государства СС». Многие, подобно Карлу О. Петелю, уверены, что Третьим рейхом (в его финальной фазе – определенно) управляли два человека, а именно Адольф Гитлер и Генрих Гиммлер. Многие просто слишком долгое время придерживались ошибочной концепции, будто бы черный орден являлся единственной структурой нацистской империи, обладавшей

влиянием и непререкаемой властью. Конечно, трудно ждать, что они скоро откажутся от любимой идеи.

Третий рейх представлялся им как «насквозь заорганизованное» (слова Когона) тоталитарное государство, всеохватное, включающее каждого отдельного гражданина и подчиняющее всех единой централизованной силе. Нацистам словно бы удалось воплотить вековую мечту немецкого народа: построить сильное государство, в котором существует только одна воля – воля фюрера – и только одно мировоззрение – нацизм, а законом и порядком управляет только одна сила – полиция СС.

Однако мечта о сильном государстве осталась лишь мечтой. Третий рейх не был тоталитарным государством – он был карикатурой на него. Насмешкой над ранними надеждами и идеями, с которыми нацистские лидеры приступали к строительству своего государства. Ганс Буххайм пришел к выводу, что «тоталитарное создание фюрера» на деле оказалось вовсе не «продуманным до мелочей аппаратом и сверхрациональной системой, а лабиринтом привилегий и политических связей, компетенций и полномочий, а в итоге борьбой всех против всех – своего рода нацистскими боевыми играми». Британский историк, профессор Трево-Ропер удивлялся: «Сколько же людей нацистская пропаганда заставила поверить, что нацистская Германия была организована, как тоталитарное государство, сплоченное воедино, полностью отмобилизованное и контролируемое из единого центра! На самом деле германский тоталитаризм был чем-то совершенно иным».

Абсолютной в нацистском рейхе была только воля Гитлера, управлявшего 80-миллионным народом посредством собственных указов и декретов. После того как намерения фюрера были изложены черным по белому, СС, как главный инструмент диктатуры, получали все полномочия для их исполнения. Однако в глазах СС подверженный влиянию сиюминутных настроений и всех подозревающий Гитлер совершал ошибку: он не всегда достаточно ясно объявлял в своих директивах, чего добивается, да и не все сферы жизни государства подпадали под его указы. Поскольку имперский кабинет уже не собирался, а Гитлер в своей Ставке еще больше отдалился от министров, результативность указов фюрера зачастую зависела просто от воли случая.

Гитлер был весьма искусен в умении держать центр политической власти, постоянно тасуя колоду своих ближайших соратников, чтобы предотвратить появление нежелательных конкурентов. По неписаному закону фюрерской диктатуры никакая государственная или иная властная структура не могла ограничить свободу маневрирования Гитлера. Суть нацистского режима определяло не монолитное единство, а «анархия полномочий», как в свое время высказался разочаровавшийся в нацизме «верховный правовед» Третьего рейха Ганс Франк. Гитлер не желал быть связанным никакой иерархией, поэтому он отдавал аналогичные приказы по возможности большему количеству малых иерархов. Такая система множественности, выбранная скорее инстинктивно, чем обдуманно, заставляла его подчиненных соперничать между собой и не давала им возможности объединиться против диктатора.

Возникла курьезная система «перманентного саморазрушения», как определила это Ханна Арендт. Подключение нескольких сановников для решения одной и той же проблемы обеспечивало диктатору полную независимость от подчиненных. При этом, однако, само государство превращалось в поле борьбы чиновников – борьбы, которая мешала эффективной работе государственной машины гораздо в большей степени, чем презируемая нацистами межпартийная борьба в демократических государствах. Государство при Гитлере деградировало до уровня плохо управляемого бюрократического аппарата, до фасада, за которым сановники рейха вели свои подковерные войны. Ульрих фон Кассель, один из вождей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 года, однажды сказал: «Эта публика вообще не знает, что такое государство!»

Эсэсовские интеллектуалы типа Отто Олендорфа пожимали плечами: «Странная штука, – в теории существует абсолютная диктатура фюрера, а на практике, особенно во время войны, процветала анархия плюрализма». Олендорф заявил в 1947 году в Нюрнберге: «Фюрер не только отрицал государство как таковое, он полностью разрушил его, так что оно уже не могло служить ему инструментом управления. Место государства по произволу было отдано многочисленным и разнообразным чиновникам». В этом лабиринте частных империй, частных армий и частных спецслужб не было места для монополии СС. В вопросах, которые не регулировались конкретными указами Гитлера, черному ордену, как и прочим другим властным группировкам, приходилось самостоятельно бороться за первенство и влияние.

А когда СС не имели четких директив от Гитлера, то они не имели и его покровительства. Гиммлер в таких случаях был вынужден искать соглашения с другими иерархами рейха. В довольно частых столкновениях верх брал не самый правоверный национал-социалист, а тот, за кем стояла более сильная армия и кто обладал большей личной властью и влиянием. И это тоже соответствовало воле фюрера: долголетняя борьба клик и фракций внутри партии перекинулась на государство. Междоусобная грызня соратников гарантировала Гитлеру неоспоримое положение и в партии, и в государстве.

Сатрапы Гитлера, по образу и подобию феодальных князей прошлого, создавали коалиции, враждовали, опять мирились. Иной раз даже образовывали формальные союзы. Так, в 1936 году полиция безопасности заключила с военной разведкой – абвером – соглашение из 10 пунктов, вошедшее в связи с этим в историю как «Договор о десяти заповедях». Министру иностранных дел Риббентропу пришлось принять несколько эсэсовских чинов на работу в МИД в качестве платы за короткое перемирие в войне с черным орденом. Рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг объединился с группенфюрером СС Бергером, чтобы отразить интриги формально подчиненного ему рейхскомиссара Украины Коха.

Эта «война в джунглях» была столь трудоемкой, что у черного ордена едва ли достало бы сил или времени для захвата главной высоты в Германии. Гиммлер действительно узурпировал одну властную позицию за другой, но существовали две силы, которые СС так и не удалось одолеть, – партия и армия. Гиммлер был вынужден молча терпеть, когда партия, Рабочий фронт и штурмовики СА начали охоту на так называемых «доверенных лиц» – осведомителей службы безопасности; он терпел, когда запретили выпуск «Сообщений из рейха» – готовившихся в недрах СД информационных бюллетеней о внутриполитической ситуации; смолчал и тогда, когда самый влиятельный человек на территории оккупированной Польши, генерал-губернатор Франк, под радостную овацию вермахта и СА выставил за дверь его обергруппенфюрера Крюгера.

Хотя в ближайшем окружении Гитлера все чаще мелькали эсэсовские мундиры, недоверчивый диктатор всегда держал СС на должном расстоянии от решающих властных вершин государства. Гитлер постоянно напоминал фюрерам СС, для какой роли они созданы. «Полиция новой Германии так же плоха, как в старой», – любил он ворчать. Когда же руководство СС против его воли вмешалось в немецкую политику в Румынии, фюрер закричал, что он «выкурит эту черную чуму». Рейхсфюрера СС бросало в холодный пот, когда его вызывали к шефу. Гитлер обращался с ним не иначе как с подмастерьем, усердным, но не слишком смышленным. Он никогда не рассматривал Гиммлера в качестве преемника и в марте 1945 года привел свои резоны: его отвергнет партия, и вообще он неприемлем, потому что начисто лишен творческого начала и артистического чувства.

В этой всеобщей свалке были все же свои правила. Одно из них гласило: нечего и пытаться противостоять СС, если не чувствуешь на своей стороне еще большей силы. Что же говорить о тех, кто полностью беззащитен? А в империи Адольфа Гитлера существовала такая группа, абсолютно беспомощная и бесправная, – евреи. Их легко поедали концентрационные лагеря и крематории СС, за них не вступился бы ни один из партийных боссов. Здесь пролежала

граница из колючей проволоки, окружавшая реальное государство СС: изолированный мир концентрационных лагерей – KZ. Узники гиммлеровских лагерей были настоящими рабами, жертвами неумолимого процесса уничтожения. Однако история истребления евреев показывает, что были же люди и среди тех, кто носил коричневые рубашки, и среди старых нацистов, и среди видных функционеров СС, – везде находились такие люди, которые осмеливались бросать вызов гиммлеровской машине смерти.

К ним можно отнести бывшего гауляйтера, а затем нацистского генерального комиссара оккупированной Белоруссии Вильгельма Кубе. Он обвинил офицеров полиции в бесчинствах по отношению к еврейскому населению, взял под свою защиту евреев, привезенных в Минск для уничтожения, и вел свою собственную единоличную борьбу против СД и СС до того самого дня, когда подорвался на бомбе советских партизан. Можно вспомнить обер-группенфюрера СС доктора Вернера Беста, который саботировал программу своего рейхсфюрера по массовому истреблению датских евреев и дал возможность тысячам людей переправиться в нейтральную Швецию. Очень многое сделал личный врач и массажист Гиммлера Феликс Керстен, которого сам рейхсфюрер называл «мой лучший друг, мой Будда». Доктор Керстен, движениями своих рук избавлявший сановного пациента от мучительных болей в желудке, спас тысячи жизней. Благодаря ему сначала евреи из Финляндии, а потом многие другие получили разрешение эмигрировать в Швецию. Были также итальянские генералы, балканские политики и французские коллаборационисты: разбросав над сотнями тысяч европейских евреев замысловатую сеть, сотканную из хитрости и лжи, они на протяжении ряда лет морочили голову ищейкам Эйхмана, пока опасность не миновала.

Поступок эсэсовца Вернера Беста подтверждает несостоятельность теории о «государстве СС». Охранные отряды никогда не были монолитной организацией. Из всех формирований Третьего рейха СС являлись самыми неоднородными и внутренне противоречивыми. Наверное, едва ли нашелся бы хоть один агент, который бы не был на ножах с другим эсэсовцем своего уровня; и не сыскалось бы конкретного вопроса практической политики, по которому любые два руководителя сошлись бы во мнениях. В Нюрнберге оберфюрер СС Рейнеке жаловался, что «СС просто набиты людьми и организациями, совершенно чуждыми характеру охранных отрядов».

Секретные досье СС способны пролить свет на многочисленные конфликты внутри эсэсовской иерархии. Изучая архивные документы, можно узнать о том, что Гиммлер обвинял группенфюрера СС Редера в саботаже «германизации» Бельгии; что начальник Нюрнбергского гарнизона войск СС наотрез отказывался сотрудничать с местными руководителями общих СС и СД; что один унтер-штурмфюрер СС собирал компромат на группенфюрера Бергера, а тот писал доносы на соратников, обвиняя их в потворстве католической церкви. Имеются данные о том, как Олендорф издевался над гиммлеровской навязчивой идеей «крови и почвы»; как Главное управление имперской безопасности – РСХА затеяло свару с хозяйственниками на предмет того, следует ли евреев сразу убивать или же сначала превращать их в рабов; о том, как гестапо расстреливало русских дезертиров, из которых СД собиралась создавать русскую антисоветскую армию. Определенный вклад во внутренние распри СС вносило и наличие в их структурах представителей «непосвященного народа», то есть не являвшихся даже членами черного ордена. Так, благочестивый католик доктор Рихард Коргер был назначен инспектором Гиммлера по вопросам статистики, бухгалтер Ганс Хоберг сделался «серым кардиналом» промышленных предприятий СС, а гражданский служащий из строительного управления министерства авиации Ганс Каммлер за несколько лет вырос до генерала СС – руководителя строительства концентрационных лагерей.

Действительно, мир СС был весьма причудливым и странным образованием, напрочь лишенным всякой логики. Столь же причудливы, при видимой стройности и логичности, были и теории, пытавшиеся объяснить этот феномен.

Фактическая история показывает, что СС никак нельзя считать организацией, созданной и направляемой по дьявольски эффективной системе. Это скорее продукт несчастного случая, сложившихся обстоятельств и автоматизма. История СС – это история идеалистов и преступников, искателей теплого места и романтиков; история самого фантастического человеческого объединения, которое только можно вообразить.

Глава 1

ОБРАЗОВАНИЕ СС

Истоки возникновения СС, как и нацистского движения, приходится на суматошную послевоенную весну 1919 года, когда добровольческие отряды – «Фрайкор» и армейские части рейхсвера разогнали рабочие и солдатские советы в Баварии.

Повивальной бабкой национал-социализма нечаянно оказался мюнхенский историк Карл Александр фон Мюллер. Он близко сошелся с группой националистически настроенных молодых офицеров, задававших тогда тон в Мюнхене. Во время митинга на Мюллера произвел сильное впечатление один человек, который по всем данным должен был обладать необычайным, неотразимым ораторским талантом.

«Я видел, – рассказывал Мюллер впоследствии, – бледное худое лицо, совсем не воинственным образом свисающую на лоб челку, коротко подстриженные усики и – поразительно большие голубые глаза, светившиеся холодным фанатизмом».

Мюллер толкнул локтем сидящего рядом школьного друга Карла Майра: «А тебе известно, что среди твоих парней есть прирожденный оратор?» Капитан Майр руководил отделом пропаганды в штабе баварской группы войск рейхсвера. Он понял, о ком речь: «Это же Гитлер из полка „Лист“... Эй, Гитлер, подойди-ка на минутку!» Тот сделал, как было велено. В его скованных, неловких движениях Мюллер заметил странную смесь: стеснительность и вызов одновременно. Эта сцена наглядно иллюстрирует зависимость раннего Адольфа Гитлера от офицеров баварского рейхсвера, свойственное ему чувство подобоострастия перед старшими по званию и комплекс неполноценности, от которого будущий фюрер Великой Германии долгие годы не мог избавиться.

Капитан Майр быстро распознал пропагандистские способности капрала Гитлера. В июле 1919 года отдел Майра составил для баварского военного министерства список «контактов» в различных воинских частях. В этом конфиденциальном документе значился некий Гитлер Адольф. Майр считал Гитлера в высшей степени готовым к любому бою на идеологическом фронте. Постепенно капрал сделался просто незаменимым, и капитан оставил свой командный тон, обращаясь теперь к нему в письмах с вежливой формулой: «Уважаемый господин Гитлер!» Выдвиженец Майра стал часто бывать в военном министерстве и считался «политическим сотрудником» отдела. Однажды в демобилизационном лагере Лехфельд возникла опасность солдатского бунта, офицеры теряли контроль над ситуацией. Туда сразу направился Гитлер и восстановил порядок.

23 августа 1919 года другой «контактный человек», Лоренц Франк, докладывал по инстанции: «Гитлер как личность просто рожден для демагогии, необычайно притягательной манерой держаться и своим фанатизмом он без труда заставил митингующих прислушаться к себе».

Майр решил, что пора использовать свое открытие для более крупных дел. Помимо пропаганды, в задачи отдела входило наблюдение за политическими партиями в Баварии. И вот в сентябре 1919 года Майр посылает Гитлера на собрание Немецкой рабочей партии (Deutsche Arbeiter Partei – ДАП), представлявшей собой кучку фанатиков-националистов. Они пылали ненавистью к республике и к евреям, а кроме того, проповедовали социализм, причем очень эмоционально, с помощью таких выражений, как «сбросим ярмо» и «сломаем хребет угнетателям».

Гитлер быстро стал звездой партийных митингов, а уж перекричать более осторожных говорунов в пивных ему вообще не составляло труда. В январе 1920 года ДАП численностью 64 человека избрала Гитлера своим главным пропагандистом и утвердила подготовленную им

новую программу. Позже ДАП изменила название и стала именоваться как Национал-социалистическая германская рабочая партия – НСДАП.

К тому времени Майр ушел в отставку, а его место занял курносый, маленького роста человек с багровым лицом, выдававшим необузданные страсти и нерастрченную энергию хозяина. Это был капитан Эрнст Рем. Именно он, больше чем кто-либо другой, ответствен за выпуск Гитлера, уже уволенного из армии, в сферы большой политики.

По натуре Рем представлял собой странный симбиоз военного реформатора и пройдохи из баварской глубинки. Заговорщик, гомосексуалист, грубый, неотесанный солдафон, Рем считался среди своих товарищей честным парнем, к тому же по-настоящему смелым и крепким духом.

В широкой натуре капитана соединялось многое. Верный баварский монархист, бывший ротный командир в 10-м Баварском собственном его величества короля Людвига III полку, он в 1918 году, когда монархия пала, был готов «идти на смерть ради чести». Но теперь он рассматривал Баварию как тихую гавань, где националисты могли собирать силы, перед тем как идти на штурм Берлина – революционной крепости. Мюнхенские кондотьеры 1919 года происходили в основном из экстремистов «потерянного поколения» – разочарованных офицеров-фронтовиков, которые после поражения в войне и крушения монархии считали себя приговоренными к скучной и убогой жизни.

Лишенные былого статуса, а заодно, как им казалось, и всех заслуг, фронтовики внимательно пригляделись к новому жизненному укладу, возникшему, пока они воевали. Так демократия «Ноябрьской республики», и без того слабая и шаткая, стала объектом ярости офицерства и должна была держать ответ за все несчастья. Военные очень решительно настроились на возвращение своих утраченных социальных позиций и боевой мощи империи, уничтоженной союзниками в 1918 году.

И такой шанс они получили. На короткое время, и именно в Баварии, борьба с коммунистами привела военных во власть. После падения «Красной республики» никто не мог равняться с человеком в форме. Пока конституционное правление не было восстановлено, в Баварии верховодило офицерство, имея незначительную оппозицию в лице социал-демократов и столь же незначительную поддержку со стороны правокатолической Баварской народной партии. Капитан Карл Майр наблюдал за политическими партиями и движениями, доктор Христиан Рот возглавлял органы юстиции, Эрнст Пёнер заведовал мюнхенским полицей-президиумом. На капитана Эрнста Рема, тогда 32 лет, была возложена в высшей степени хитроумная задача: организовать на территории Баварии систему вооруженной гражданской самообороны.

Дело в том, что по условиям Версальского договора численность личного состава и вооружений германской армии – рейхсвера – была строго ограничена. Разрешалось иметь 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, то есть никаких резервов на случай опасности. Военные видели выход из положения в формировании второго, «черного» рейхсвера. Эрнст Рем вынашивал другую мысль: создать нечто вроде народной милиции или гражданской армии из бюргеров с ружьями в шкафах. В лице члена католической партии Георга Эшериха капитан нашел весьма изобретательного помощника. Вдвоем им удалось сколотить самую мощную в истории Германии организацию гражданского ополчения – баварские отряды самообороны.

Неутомимый Рем энергично взялся за дело. Он приобретал оружие, доставал снаряжение, оборудовал тайные склады боеприпасов. Союзники что-то заподозрили, но он тщательно заметал следы. Только в Мюнхене предприимчивому капитану удалось собрать впечатляющий арсенал, которому могла бы позавидовать иная воинская часть: 169 легких и 11 тяжелых орудий, 760 пулеметов, 21 350 винтовок, карабинов и пистолетов, 300 тысяч ручных гранат, 8 миллионов патронов. Когда в середине 30-х годов Гитлер увеличил армию, то одна треть дополнительных вооружений поступила из ремовских тайных арсеналов.

Однако уже летом 1921 года в истории баварского гражданского ополчения была поставлена жирная точка. Центральное правительство в Берлине сдержало обещание, данное союзникам, и объявило отряды самообороны вне закона. Эрнст Рем остался ни с чем. Его армия сократилась до немногочисленной кучки бойцов из ультраправых полувоенных группировок, игравших в солдатики в мюнхенских пивных и время от времени устраивавших кровавые драки.

Вскоре борцы с демократией сообразили, что без поддержки народных масс у них ничего не выйдет. В командирах разного уровня недостатка не было, не хватало главного – свиты, последователей, исполнителей, – той самой толпы, о которой так метко и с таким великолепным презрением писал Богислав фон Зельков:

Ненавижу толпу мелких низких людишек —
шею гнут, дали б жрать,
да поспать, да детей наплодить.

Ненавижу толпу: все дрожат,
все покорны, верят мне – но сейчас,
а вот завтра вопьются мне в глотку.

Но Рем считал, что он знает человека, способного притягивать массы. На одной из сходов в группировке «Железный кулак» он познакомился с Гитлером из НСДАП. Капитан сразу увидел в нем подходящего демагога. Такой сможет мобилизовать людей в поддержку его тайной армии.

В июле 1921 года Адольф Гитлер был избран председателем НСДАП, и Эрнст Рем тут же все для себя решил: с Гитлером он придет к власти.

Пока австрийский агитатор бегал по мюнхенским пивным, настраивая мелких бюргеров, недовольных инфляцией, против «ноябрьских преступников». Рем сформировал мобильный отряд, призванный оберегать оратора. Командир 19-й минометной роты капитан Шрек выделил ему своих солдат, готовых изувечить любого, кто осмелится посягнуть на «порядок» нацистских сборищ. Так появилась на свет вооруженная организация, которая сначала имела вид физкультурно-спортивной секции, а в итоге обратилась в штурмовые отряды (штурмб-тайлунг), сокращенно СА, без которых немыслима история всего нацистского движения.

Рем лично подбирал бойцов для первого штурмового отряда, а затем стал подыскивать командиров. Он нашел их среди остатков 2-й морской бригады капитана Эрхарда. За участие в попытке посадить на место канцлера Германии доктора Каппа бригаду расформировали. Офицеры рассеялись по стране. В Мюнхене беглецы собрались вновь, назвавшись теперь «Организацией Консул», сокращенно – «О.К.». Поначалу прямой и резкий моряк Эрхард категорически отказался иметь дело с Гитлером. Услышав это имя, он воскликнул: «О господи, что же этому болвану еще понадобилось?!» Однако Рем резонно указал ему, что офицерам нужно же кем-то командовать, а теперь у них с этим проблем не будет. В конце концов Эрхард согласился и выделил Рему своих лучших людей. Лейтенант Иоахим Ульрих Клинич занялся обучением штурмовиков и координацией, его тезка, капитан-лейтенант Иоахим Хоффман, возглавил штаб СА. Позже к ним примкнул капитан-лейтенант Манфред фон Киллингер, находившийся в розыске за соучастие в нашествии убийстве Матиаса Эрцбергера. В общем, бригада Эрхарда просто превратилась в штурмовой отряд Гитлера, и даже боевая песня моряков претерпела очень мало изменений. Конечно, в текст вошли «свастика на касках» и «штурмотряды Гитлера».

3 августа 1921 года, в день учреждения штурмового отряда, его бойцы торжественно поклялись, что «железная организация» СА будет верно служить НСДАП и «с радостью пови-

новаться фюреру, партии». Однако очень скоро Гитлер убедился, что в СА он аутсайдер. Не он задавал здесь тон: штурмовики подчинялись только Рему и офицерам Эрхарда. Не разделяли создатели СА и взглядов Гитлера на предназначение и функции штурмовых отрядов. Фюрер НСДАП видел в СА лишь орудие политической пропаганды: штурмовики могли оперативно оклеить весь город нацистскими предвыборными плакатами, легко одержать победу в «пивных батальях», очаровать впечатлительных и любящих дисциплину сограждан своими парадами и построениями. Но в глазах командиров СА были настоящим воинским формированием. Да и на самом деле они фигурировали как регулярные части в планах рейхсвера. На 7-й саперный батальон и 19-й пехотный полк была возложена военная подготовка штурмовиков. Мюнхенский полк СА, численный состав которого в 1923 году достиг 1150 человек, включал кавалерийский взвод и артиллерийскую роту.

Для того чтобы создать противовес группировке Эрхарда, Гитлер поставил во главе СА кавалера ордена «За заслуги» капитана Германа Геринга. В начале 1923 года Геринг сформировал главное командование СА по образу и подобию штаба армейской дивизии. Гитлер интуитивно чувствовал, что и внутри партии зреет сила, подчиняющаяся чужим приказам. Уже были многочисленные сигналы опасности. Так, подполковник в отставке Герман Крибель, военный руководитель так называемого Объединения патриотических союзов фронтовиков, в состав которого НСДАП входила наравне с другими крайне правыми группировками, заявил напрямик: «Политики пусть заткнутся!» В информационном бюллетене номер 2, издаваемом главным командованием СА, было напечатано, что ортсгруппенфюреры (руководители региональных штурмовых отрядов. – *Примеч. пер.*) полностью поддержат своего командира, если он возьмет на себя еще и роль «говоруна». А из директивы начальника штаба СА Хоффмана Гитлер узнал, что штурмовые отряды являются «особой организацией национал-социалистического движения, независимой от партийного руководства и местных парторганизаций». Для Гитлера это читалось как открытая угроза.

Так обозначился конфликт, которому суждено было сотрясать движение вплоть до смерти Рема. Начинался период беспощадной борьбы между вожаками СА и партии. Гитлеру удалось предвосхитить опасность. Именно тогда он и решил создать собственную гвардию, чтобы оградить себя от давления неуправляемых офицеров СА.

В марте 1923 года возникла структура, ставшая зародышем будущего черного ордена. А начиналось все так: несколько старых борцов поклялись защищать Гитлера от внешних и внутренних врагов, даже с риском для собственной жизни. Они называли себя «Штабсвах» – охрана штаба. Черный цвет, впоследствии принятый эсэсовцами, впервые появляется в форменной одежде. Гвардейцы фюрера решили дистанцироваться от общей массы штурмовиков: при серо-зеленых фронтовых мундирах и шинелях они стали носить черные лыжные кепки с серебристым изображением черепа, а красное поле нарукавной повязки со свастикой обшили по краям черной полосой.

Но эта стража просуществовала недолго: через два месяца капитан Эрхард порвал с Гитлером и забрал своих людей из СА. Вслед за этим лидер нацистов создает новую охранную структуру со скромным названием «Штосструпп» (ударный отряд «Адольф Гитлер»). Возглавил новое подразделение торговец канцтоварами и казначей партии карликоподобный Йозеф Берхтольд, а его заместителем был назначен штурмовик Юлиус Шрек.

Обычным местом встреч стала мюнхенская пивная «Торброй» у Изартора. Там, в прокуренных залах кегельбана, обсуждались первые назначения в «Штоссе». Следует отметить, что члены этой группы принадлежали к иному социальному слою, чем штурмовики Рема и Эрхарда. В основном это был трудовой люд из низов, мелкие торговцы и рабочие, а если среди них и встречались офицеры, то не выше лейтенанта запаса. Первый и главный телохранитель фюрера Ульрих Граф был мясником и сделал себе имя как боксер-любитель. Закадычный друг

Гитлера часовщик Эмиль Морис обвинялся в присвоении чужих денег; бывший конюх Христиан Вебер зарабатывал мизерные чаевые в мюнхенском трактире «Блауе Бок».

Этих людей объединяло общее дело: оберегать жизнь Гитлера и других нацистских вождей. Гитлеру достаточно было только слово сказать, чтобы его гвардейцы тут же бросились со своими резинками и зажигалками (так они называли резиновые дубинки и пистолеты), дабы избавить фюрера от назойливых противников. Даже в 1942 году Гитлер будет еще говорить «о людях, которые были готовы к революционному подвигу и знали, что впереди – день жестокой схватки».

Тот день наступил в ноябре 1923 года. В политической жизни происходили резкие перемены: глава правительства Баварии Густав фон Кар и командующий местным рейхсвером генерал-майор Герман Лоссов, оба убежденные монархисты и сепаратисты, до такой степени были на ножах с Берлином, что казалось, Бавария вот-вот выйдет из состава рейха. Все силы, годами группировавшиеся в этом «тихом уголке», все силы, противостоящие демократии и прогрессу, стали собираться в кулак для решающего удара.

Гитлер решил использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. Как только фон Кар объявил о созыве 8 ноября собрания почетных граждан, которое должно было состояться в мюнхенском пивном ресторане «Бюргербройкеллер» на Розенхаймерштассе, фюрер нацистов приступил к подготовке своего собственного переворота. Он догадывался, что на собрании Кар намеревается провозгласить независимость Баварии. Однако австрийцу хотелось подтолкнуть сепаратистов к еще более решительным действиям – походу на Берлин для свержения «Ноябрьской республики».

Гитлер спешно предупредил своих союзников, уговаривая вместе участвовать в его удивительной акции. Не забыл он оповестить и бывшего главного квартирмейстера рейхсвера генерала Эриха Людендорфа, и тот прибыл, абсолютно не подозревая, что приглашен всего лишь в качестве свадебного генерала. Гитлер собрал 50 человек своего ударного отряда, и на этом подготовка закончилась. Надев черный парадный костюм, Железный крест 1-го класса, фюрер выступил. Около восьми часов вечера он уже стоял перед дверьми в «Бюргербройкеллер», выжидая момент.

Через сорок пять минут командир «Штосса» Берхтольд привез к ресторану пулемет и установил его у входа. Не теряя ни секунды, Гитлер в окружении своих гвардейцев ворвался в переполненный зал пивной, вынул пистолет и выстрелил в воздух. Потом вспрыгнул на стол и прокричал: «Национальная революция началась! Зал окружен шестью сотнями хорошо вооруженных людей! Всем оставаться на местах! Баварское правительство и правительство Германии низложены! Формируется временное правительство!» Захваченные врасплох баварские военные и политики разрешили этому явно сумасшедшему продолжать и даже объявили, что согласны с ним. Однако на следующий день Кар и Лоссов его уже не признавали и подняли подчиненные им войска против «национального революционера». А Гитлера словно парализовало. Он так и сидел в «Бюргербройкеллер», ожидая хороших вестей, а их все не было. Единственное сообщение вселяло надежду, оно и заставило Гитлера выйти на улицу: Рем вместе со своими боевиками из отряда «Имперский военный флаг» вломился в здание военного министерства и удерживается там, несмотря на возросшие силы армии и полиции.

В середине дня 9 ноября Гитлер, его приверженцы и союзники, построившись по восемь в ряд, промаршировали по узкой Резиденцштрассе к военному министерству – на выручку к Рему. На Одеонплац они наткнулись на отряд полиции, численностью человек в сто, расположившийся на ступенях мюнхенского Дворца героев и преградивший им дорогу. Путчисты не сбавляли шаг. Тогда взвод вооруженных служителей порядка шагнул навстречу. Гитлеровский охранник Ульрих Граф выскочил прямо на дула полицейских винтовок и закричал: «Не стреляйте! Это его превосходительство Людендорф и Гитлер!» Полиция открыла огонь: было убито 16 национал-социалистов, в том числе пятеро из личной охраны Гитлера. Погибли также

трое полицейских. Почти все вожаки нацистского движения были арестованы. Лишь командир, «Штосса» Берхтольд и командиру штурмовиков Герингу хоть и серьезно раненному, удалось скрыться в Австрии.

Гитлеровский припадок лунатизма уничтожил НСДАП. Партия, СА и «Штосе» были запрещены. Оставшиеся на свободе кучки нацистов разодрались между собой. Сначала они попытались объединиться под спасительным флагом Людендорфа, но затем стали распадаться на все новые группировки, фракции и клики. Лишь неустойчивый Эрнст Рем, изгнанный из армии, арестованный, но вскоре выпущенный на поруки, не потерял надежду на продолжение борьбы. Гитлер, находившийся в тюремной камере Ландсберга, назначил его командиром СА – теперь подпольной организации.

Очень скоро Рем понял, что баварское правительство не собирается снимать запрета с СА. Дело в том, что Карл с помощью бывшего начальника Рема, фон Эппа, объединил все полувойсковые формирования в полностью контролируемый правительством отряд «Нотбан» – для чрезвычайных ситуаций. Тогда из остатков разгромленных СА Рем образовал новую структуру – «Фронтбан» (отряд фронтовиков) и поставил ее под патронат Людендорфа.

До «пивного путча» 1923 года география гитлеровского движения не выходила за пределы Баварии. Создание «Фронтбана» привело к Рему и Гитлеру новых сторонников по всей Германии. В эту структуру потянулись бойцы бывших «вольных корпусов» и нацисты из Северной Германии, оставшиеся без лидера, к Рему примкнули разного рода отчаявшиеся, – словом, собралась пестрая шайка разбойников и всяческих экстремистов, сделавшая грабеж стилем жизни будущих СА. Такими были капитан Хайдебрек и граф Хельдорф. А с лейтенантом Хайнесом, хулиганом, большим специалистом во всех видах порока, Рем, всегда заинтересованный в новых связях, согласно его же мемуарам, «решил познакомиться поближе».

В лучшие времена в гитлеровских СА было максимум 2 тысячи человек. Теперь же Рем мог сообщить узнику Ландсбергской тюрьмы о «Фронтбане» численностью в 30 тысяч бойцов. Однако Гитлер, узнав о растущем войске капитана, почувствовал себя несколько неуютно: Рем не прекращал заявлять о самостоятельности своей «военной» организации по отношению к партии («Я и сегодня солдат, и только – солдат»). «Политическое и военное движение должны быть полностью независимы друг от друга», – писал он Людендорфу.

Когда в декабре 1924 года освобожденный из тюрьмы Гитлер поручил капитану сформировать новые СА, между партнерами чуть было не дошло до драки. Гитлер не хотел ничего слышать о независимых штурмовых отрядах типа бригады Эрхарда. Рем же твердо стоял на своем, доказывая, что партийный босс не может командовать солдатом, а уж Гитлер-то для оборонительных отрядов вообще не больше чем кочерга в печи – жару поддавать! «Никакой политики ни во „Фронтбане“, ни в СА!.. Я строжайше требую запретить личному составу СА всякое участие в партийных делах. Я также категорически против того, чтобы фюреры СА выполняли указания партийных функционеров» – такова была позиция Рема, изложенная в специальном меморандуме бывшему капралу.

Рем не уловил момента, когда Гитлер принял решение: не допускать воссоздания СА, пока он не будет полностью уверен, что люди в форме штурмовиков не будут навязывать ему чужую волю. Так Гитлер порвал с Ремом.

Бывшему основателю СА не оставалось ничего другого, как попрощаться. 30 апреля 1925 года он написал: «В память о тяжелых и прекрасных днях, пережитых вместе, сердечно благодарю тебя за товарищеское отношение и прошу не лишать меня в будущем твоей дружбы». Меньше чем через месяц Гитлер дал понять о своих планах. Его секретариат объявил следующее: «Г-н Гитлер не намерен создавать новую военную организацию. То, что он однажды сделал, было долгом по отношению к известному господину, который в итоге оставил его в беде. Сегодня же он нуждается только в охране порядка на партийных собраниях, как это было до 1923 года».

Час рождения черного ордена приближался. То, к чему оказались не приспособлены штурмовые отряды Рема – Эрхарда, должно было стать обязанностью СС: находиться постоянно рядом с Гитлером, гарантировать его власть в партии, беспрекословно выполнять все приказы фюрера. В 1942 году Гитлер вспоминал: «Я сказал себе тогда, что мне необходима личная охрана, пусть немногочисленная, но безоговорочно преданная, чтобы эти люди, если требуется, были готовы пойти даже против собственных братьев. Лучше иметь всего 20 человек на целый город, при условии, разумеется, что на них можно полностью положиться, чем ненадежную массу».

Партия в целом, а затем и весь Третий рейх получили иную версию основания СС. Поскольку СА все еще находились под запретом, гласит легенда, то, когда в феврале 1925 года была вновь воссоздана партия, возникла необходимость в службе самоохраны для защиты от террора со стороны политических противников. Умалчивалось о тех фактах, что Гитлер сознательно оттягивал воссоздание штурмовых отрядов, что запрет их деятельности отнюдь не распространялся на все немецкие земли и что в северо-западной части страны СА даже росли и крепились, но только отказывались признать своим вождем сомнительного мюнхенского фюрера.

И вот Гитлер приступил к формированию своей «лейб-гвардии». В апреле 1925 года он приказал ветерану «Штосса» Юлиусу Шреку, ставшему к тому времени его личным шофером, подобрать людей в новую охрану штаба. Через две недели стражу перекрестили в SS – Schutzstaffel, или охранный отряд. Первых эсэсовцев Шрек нашел там же, где ранее набирал личный состав в «Штабсвахе» и «Штоссгрупп», – среди завсегдатаев пивной «Торброр» у Изартора в Мюнхене. Первоначально у него лишь восемь человек, почти все успели послужить в ударном отряде «Адольф Гитлер», «Штосе». Сохранилась и старая униформа. Нововведением стала общепартийная коричневая рубашка с черным галстуком, сменившая серо-зеленый френч.

Кстати сказать, коричневая рубашка стала нацистской униформой по чистой случайности. Некий офицер Росбах был в Австрии и там принял груз, предназначенный для немецких частей в Восточной Африке, – коричневые рубашки. В 1924 году он забрал их с собой в Германию. Штурмовики носили их с коричневым же галстуком, а эсэсовцы надели черный.

Далее Шрек принялся сколачивать эсэсовские группы за пределами Баварии. 21 сентября 1925 года он разослал циркуляр номер 1, которым обязывал каждое региональное отделение НСДАП иметь отряд СС. Партийным органам предлагалось формировать небольшие боеспособные элитные группы (командир и 10 подчиненных), лишь Берлину выделялась повышенная квота – два фюрера и 20 человек. Шрек внимательно следил за тем, чтобы в СС попадали только хорошо отобранные люди, соответствующие нацистской расовой теории. Принимались к рассмотрению кандидаты в возрасте от 23 до 35 лет, обладающие «отличным здоровьем и крепким телосложением». При поступлении им надлежало представить две рекомендации, а также полицейскую справку о проживании в течение последних пяти лет в конкретной местности. «Хронические пьяницы, болтуны и лица с иными пороками не подлежат обсуждению», – гласили «Правила СС».

Когда в ноябре 1925 года партийный орган НСДАП «Фёлькише беобахтер» опубликовал заметку о том, что в мюнхенском районе Нойхаузен некий партайгеноссе Дауб сформировал из 15 бывших штурмовиков охранный отряд и назначил себя командиром, Юлиус Шрек пришел в бешенство. 27 ноября он направил руководству партии письмо следующего содержания: «Это формирование – не что иное, как старые СА, переименованные в СС. В связи с этим отряд СС просит руководство партии сделать все возможное, чтобы не допускать подобных случаев. Нельзя портить дурными копиями образ созданной такими усилиями организации, базирующейся на здоровой основе».

Шрек не покладая рук работал над объединением «лучших и надежнейших» членов партии для защиты нацистского движения. Главными задачами СС он считал «охрану собраний,

привлечение подписчиков и спонсоров для газет „Фёлькише беобахтер“, вербовку новых членов партии». Алоис Розенвинк, начальник отдела и фактический организатор высшего органа СС – так называемого главного руководства («оберляйтунг»), заявлял с типичным для нацистов пафосом: «Череп на наших черных фуражках – это предостережение врагам и знак готовности ценой собственной жизни защищать идеи нашего фюрера».

Тем временем в Мюнхен начали поступать победные донесения с мест. В Дрездене эсэсовцам удалось предотвратить попытку 50 коммунистов сорвать нацистский митинг, а в Мраморном дворце Хемница «объединенные отряды СС из Дрездена, Плауэна, Цвикау и Хемница так задали жару коммунистам, да еще повыкидывали их из окон, что теперь ни один коммунист в Саксонии больше не посмеет сунуться на наши собрания!» – кичился Розенвинк. К Рождеству 1925 года руководство СС могло отчитаться: «Мы располагаем сильной, хорошо организованной охранной службой численностью около 1000 человек». Правда, вскоре реальное число членов СС сократилось до 200 человек, и все же именно СС стали первым структурным подразделением НСДАП, занявшим серьезные позиции фактически на всей территории Германии.

В апреле 1926 года прибывший из австрийской эмиграции прежний командир «Штосса» Йозеф Берхтольд сменил Шрека на посту руководителя СС. После возвращения участников «пивного путча» Гитлер публично провозгласил охранные отряды как собственную элитную организацию. 4 июля 1926 года на втором съезде партии в Веймаре фюрер вручил СС «кровавое знамя», то самое, с которым его колонна шла по Резиденцштрассе 9 ноября 1923 года.

СС росли и набирали силу. Теперь Гитлер смог бы повторить попытку создать свои СА: он прекрасно понимал, что без такой массовой организации – связующего звена с народом – ему не пробиться к власти в Германии, помешанной на партийных армиях и марширующих колоннах.

Однако вожаки большинства штурмовых отрядов за пределами Баварии продолжали с недоверием относиться к Гитлеру: ведь он, кроме всего прочего, был всего лишь какой-то австриец. Тогда он стал искать контактера – достаточно авторитетного человека для объединения увязших в междоусобицах группенфюреров. Он выбрал командира северо-германского вольного корпуса капитана Франца Пфеффера фон Заломона. 27 июля 1926 года Йозеф Геббельс записал в своем дневнике: «12 часов: был у шефа. Серьезный разговор. Пфеффер будет фюрером СА всей Германии».

Положение было серьезное и с точки зрения Гитлера: Пфефферу нужно было дать определенное место в партийной иерархии, он становился сторожевым псом.

Само собой разумеется, Гитлеру пришлось наделить Заломона значительными полномочиями. С 1 ноября 1926 года вступало в силу его назначение Верховным командующим СА (оберстер СА-фюрер, сокращенно – ОСАФ), он получал под свое начало все штурмовые отряды на территории Германии. Хотя Пфеффер и должен был безоговорочно выполнять приказы партийного вождя Гитлера, он мог по своему усмотрению заниматься организацией и строительством подчиненной ему структуры. Тем не менее союз с нацистами Северной Германии, которых представлял Пфеффер, на взгляд Гитлера, стоил даже того, чтобы умирить властные амбиции своего любимого детища – СС. В итоге охранные отряды тоже перешли под Пфеффера, правда, их руководитель Берхтольд завоевал утешительный приз: отныне его пост стал именоваться рейхсфюрер СС.

Однако вскоре Берхтольд почувствовал опасность, что его элитное подразделение полностью подомнут штурмовики и партийные функционеры. Эта проблема появилась еще до назначения Берхтольда. Его предшественника Шрека отвергли сами члены главного руководства СС. Со своим уступчивым характером шеф все больше превращался в футбольный мяч, которым играли лукавые партаппаратчики типа будущих рейхсляйтеров Филиппа Боулера и Франца Ксавьера Шварца. «Мы пришли к выводу, – писал Гитлеру член „оберляйтунга“ Эрнст

Вагнер, – что Шрек не обладает качествами, необходимыми руководителю и организатору, а также не имеет веса, способного гарантировать, что СС останется элитным подразделением партии». Тогда и позвали энергичного Берхтольда, однако и перед ним вскоре встал вопрос, как оградить СС от вмешательства чиновников.

«Местные органы партии, – говорилось в директиве рейхсфюрера, – не вправе вмешиваться во внутренние организационные дела отрядов СС». В другом приказе подчеркивалось: «Охранные отряды занимают в составе движения полностью самостоятельное положение». Но победить аппарат Берхтольду не удалось. Так между элитными СС и партийной бюрократией началась тихая война, которая продолжалась вплоть до падения Третьего рейха.

11 мая 1926 года во время партийного собрания эсэсовец Вагнер высказался, что «бонз» следует «выкурить» из зала. Названные им бонзы Боулер и Шварц тут же отреагировали, они запретили пускать его в помещение главного руководства СС, располагавшегося тогда в задней части дома номер 50 по мюнхенской Шеллингштрассе, причем рейхсфюреру Берхтольду пришлось собственноручно подписать об этом приказ. «П/г (партайгеноссе) Берхтольд дал мне понять, что его принудили к этому господа Боулер и Шварц!» – жаловался возмущенный Вагнер Адольфу Гитлеру.

После того как к этим неприятностям добавилось увеличение численности и мощи СА, Берхтольд подал в отставку. В марте 1927 года новым рейхсфюрером СС стал его заместитель Эрхард Хайден. Ему, как и предшественникам, оказалось не по силам соревноваться с СА.

Пфеффер запретил создавать подразделения СС в городах, где СА были недостаточно представлены. Эсэсовцам было позволено держать в каждой общине подразделения численностью не более 10 процентов от местных отрядов СА. В результате к 1928 году состав СС едва дотягивал до жалкой цифры в 280 человек. Все чаще элите из СС приходилось выполнять текущие поручения фюреров СА: раздавать пропагандистские материалы, распространять газету «Фёлькише беобахтер», нести другую вспомогательную службу. Вот такие у них теперь были «победные реляции»: «В октябре месяце отдельным подразделениям СС удалось привлечь в НСДАП 249 новых членов; подписать 54 новых читателя на „Фёлькише беобахтер“, 169 – на журнал „Штюрмер“, 84 читателя – на журнал „Национал-социалист“, 140 новых читателей – на газету „Зюдвестдойчер беобахтер“ и собрать еще 189 читателей для других национал-социалистических изданий. Помимо этого распродано 2 тысячи номеров журнала „Иллюстриртер беобахтер“».

Только вера в свою исключительность заставила «это войско, возможно, на пределе своих сил, вопреки или благодаря честолюбию» (Конрад Хайден) маршировать вперед. Для СС действовал пароль: «Аристократия молчит!» Охранные отряды превратились в молчаливых попутчиков коричневых колонн штурмовиков, чеканивших шаг по мостовым германских городов. Ужесточенные условия приема и доведенная до автоматизма дисциплина должны были поддерживать в эсэсовцах чувство избранности.

«СС никогда не участвуют ни в каких дискуссиях на партийных собраниях или лекциях. То, что ни один член СС, присутствуя на подобных мероприятиях, не позволяет себе курить или покидать помещение до окончания собрания, служит политическому воспитанию личного состава», – гласил приказ № 1, подписанный рейхсфюрером Эрхардом Хайденом 13 сентября 1927 года. «Рядовые эсэсовцы и командиры не принимают участия в делах [местного партийного руководства и СА], которые их не касаются».

Согласно приказам, каждое подразделение перед началом партийного мероприятия должно было выстроиться «по росту в колонну по двое» и приготовиться к проверке документов; каждый эсэсовец должен был постоянно иметь при себе членский билет НСДАП, удостоверение СС и песенник охранных отрядов. Особенно строго должен был выполняться приказ № 8, запрещающий ношение оружия. Гитлер собирался соблюсти видимость законности при захвате власти, поэтому партия демонстративно держалась в стороне от всевозможных обо-

ронных организаций и нелегальных военных объединений. Офицеры СС должны были перед выходом на задание обыскивать личный состав и конфисковывать любое найденное оружие.

Железная дисциплина охранных отрядов производила впечатление даже на политических противников. В секретной сводке Мюнхенского управления полиции от 7 мая 1929 года отмечалось: «Членам СС предъявляются жесткие требования. При малейших отступлениях от правил, закрепленных текущими приказами СС, провинившегося ожидают денежные штрафы, изъятие нарукавной повязки на определенное время или вовсе снятие со службы. Особое внимание уделяется внешнему виду, выправке и поведению».

Каждое публичное появление охранных отрядов должно было демонстрировать, что СС – это аристократия партии. «Эсэсовец – самый примерный член партии, какого можно себе представить», – говорилось в одном из наставлений руководства. И в отрядной песне, которой обычно заканчивались мероприятия СС, должна была звучать вера в эсэсовскую исключительность:

Пусть изменят все на свете —
Мы верны всегда!
Будет вечно на планете
Вам сиять звезда!

«Если СА – это пехота, то СС – гвардия. Гвардия была у всех: у персов и греков, у Цезаря, Наполеона и Фридриха Великого – так было на протяжении всей истории, вплоть до мировой войны. СС будут гвардией новой Германии». Эти слова принадлежат человеку, который вознамерился сделать СС хозяевами страны. С этого момента рассказ о них превращается в рассказ о нем, их история становится его историей, преступления охранных отрядов – его преступлениями. 6 января 1929 года Гитлер назначил его новым рейхсфюрером СС. Имя этого человека – Генрих Гиммлер.

Глава 2

ГЕНРИХ ГИММЛЕР

Состав медленно тащился на север. Лицо пассажира становилось все мрачнее. Вот уже несколько часов первый нацистский гауляйтер Гамбурга доктор Альберт Кребс был вынужден выслушивать болтовню человека напротив, который, как и сам Кребс, сел в поезд в Эльберфельде.

Визави гауляйтера был среднего роста, крепко сбит и носил выражение собственной значимости на вполне заурядном лице. Если маленький, слегка скошенный подбородок говорил о некоторой хлипкости характера, то острый взгляд серо-голубых глаз за стеклышками пенсне свидетельствовал о значительной силе воли. Грубоватые манеры плохо сочетались с аккуратными, ухоженными, почти женскими руками.

Впрочем, тогда, весной 1929 года, гауляйтер не обратил особого внимания на несообразность в облике и повадках своего попутчика. Он просто с растущим раздражением внимал тому, что новый рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер имел сообщить о политической ситуации. В политике, поучал его Гиммлер, многое зависит от тайных обстоятельств и частной жизни людей. Вот хотелось бы знать, например, как получил фюрер СА Конн столь странную фамилию? Очень уж созвучна она еврейской фамилии Коган, не правда ли? Далее: гауляйтер Генрих Лозе был в свое время банковским служащим, а значит, мог попасть в зависимость от еврейского капитала... Надо докопаться... Кребсу оставалось только молча кивать. И по прошествии тридцати лет эти гиммлеровские речи все еще казались ему «ужасающими»: он назвал их «смесью воинственного пафоса, каких-то сплетен из пивной и нетерпимости фанатика-проповедника».

Гиммлеру тогда было всего 29 лет, и он совершил свою первую инспекционную поездку по охранным отрядам НСДАП. Кребс описывает его как громогласного, но не слишком в себе уверенного и довольно провинциального гитлеровского прихвостня. Эту точку зрения разделяли и другие национал-социалисты, сохранившие способность самостоятельного мышления. Дьявольские, демонические черты в портрете «проповедника» и «сплетника из пивной» проявились позже. Чем большую власть захватывали «женственные ручки» Гиммлера, тем призрачнее и страшнее становился его образ для немцев. Со временем рейхс-фюрер утратил для них черты личности, превратился в некую абстракцию, бездушное воплощение нацистского полицейского государства, в монстра, чуждого всему человеческому, только и стремившегося уничтожить любое инакомыслие. Никакая деталь частной жизни не раскрывала, что это был за человек – рейхсфюрер СС; мы и сегодня толком этого не знаем.

Те, кто видел его, так сказать, во плоти, не в состоянии дать вразумительное описание Гиммлера как человека. Любая сколько-нибудь связная картина содержит столько противоречий, что современники и биографы предпочли показать его во множестве разных обликов: есть портреты Гиммлера – палача, Гиммлера – добропорядочного бюргера. Гиммлера – фанатичного идеолога расизма, Гиммлера – неподкупного апостола нравственной чистоты, Гиммлера – послушного исполнителя воли своего фюрера и, наконец. Гиммлера – тайного сторонника немецкого Сопротивления.

«Этот человек – злой дух Гитлера, холодный, расчетливый, жаждущий власти. Он являлся, пожалуй, наиболее целеустремленной и самой бесчестной фигурой Третьего рейха», – считает бывший военный адъютант Гитлера генерал Хоссбах. А генерал Гудериан сказал: «Он был вообще как с другой планеты». Верховный комиссар Лиги Наций по Данцигу швейцарец Карл Буркхардт писал о Гиммлере: «Что делало эту фигуру особенно зловещей, так это умение концентрироваться на мелочах, пугающая добросовестность в крюкотворстве и абсолютно

бесчеловечная методичность. В нем было что-то от робота». Разглядывая фотографию вождя черного ордена, нацистский идеолог Альфред Розенберг обнаружил факт: «Мне ни разу не удалось взглянуть в глаза Гиммлеру. Его глаза всегда были скрыты за отблесками стекол пенсне. Сейчас же они смотрят на меня прямо с фотографии, и мне кажется, я в них кое-что смог разглядеть. Это зло». Генералу-ракетчику Вальтеру Дорнбергу, напротив, рейхсфюрер казался похожим «на интеллигентного школьного учителя, вовсе не способного к насилию». По его словам, Гиммлер «обладал редким талантом внимательного слушателя, был спокойным, сдержанным – человеком без нервов».

Граф Бернадотт из Швеции, проводивший с Гиммлером тайные переговоры в 1945 году, был удивлен: «Я не нашел в нем ничего демонического». По словам шведа, Гиммлер был весьма любезен в общении, показал, что обладает чувством юмора, всегда был готов к шутке, если разговор не клеился. Многие дипломаты признавали трезвость его суждений, а немецкие и иностранные участники Сопротивления считали его единственным нацистским лидером, которого можно было бы использовать для свержения Гитлера. Британский историк Трево-Ропер заключает: «Это чудовище – Гиммлер – обладало множеством любопытных качеств, которые делают его в глазах некоторых невероятной, загадочной личностью».

В итоге биографы рейхсфюрера выдвинули теорию, призванную хоть как-то объяснить наличие столь разных людей в одном человеке. Они решили, что ключ к разгадке личности Гиммлера следует искать в отрочестве и юности их героя. Чувствуя себя совершенно одиноким в семье среднего достатка, задавленный отцом-педантом и жестокосердной матерью, он искал другого общества и понимания в послевоенной жизни, пока не обрел наконец защиту в нацистском движении.

Гипотеза выглядит привлекательно и соответствует веянию времени, когда все непонятное легко объяснялось с помощью психоанализа. К сожалению, это неправда. Гиммлер происходил из очень добропорядочной, совершенно обычной баварской буржуазной семьи. Ничто не омрачало его отношения к родителям и братьям, старшему – Гебхарду, родившемуся в 1898 году, и младшему – Эрнсту, 1905 года рождения. Когда он стал расти в чинах и переполнился сознанием важности своего дела, то да, семейная гармония в какой-то степени пострадала. Его жена Маргарита, нервная и нудная особа, не сошлась с его родными. Тем не менее Гиммлер никогда не порывал с отчим домом. Несмотря на то что сам был нездоров, целую ночь провел у постели умирающей матери. Во время похорон над могилой, взяв за руки братьев, он произнес с обычным пафосом: «Мы всегда будем вместе!»

Он сам себя назначил наставником для семьи. «Папеньке не следует так много работать. Пусть в течение недели чаще выходит на прогулку», – писал в 1921 году сын-студент Гиммлер «милой маменьке». К братьям он относился с педантизмом школьного учителя. «Меня весьма радуют твои хорошие оценки. Однако зазнаваться не следует! – прочел 14 ноября 1920 года малыш Эрнст в письме Генриха, который был лишь на пять лет старше его самого. – Я ожидаю, что ты справишься и по истории... Нельзя быть столь односторонним. Будь хорошим и послушным, не серди папочку и мамочку».

Свою долю воинственной заботливости получил и старший брат Гебхард, имевший несчастье обручиться с дочерью банкира Паулой Штольце, а наш «железный блюстител нравственности» этого не одобрил. И вот 18 апреля 1923 года Генрих без обиняков сообщил девушке все, что о ней думает: «Чтобы ваш союз принес счастье вам обоим, а также пользу народу, который строится из здоровых, чистых в нравственном отношении семей, вы обязаны сдерживать свои порывы. В связи с тем, что ваше поведение не отличается строгостью, а ваш будущий супруг слишком мягкосердечен, этим вопросом придется заниматься кому-то еще. Я почитаю это своим долгом». Решимость увериться, что женщины XX века следуют тому же моральному кодексу, что и героини германских саг, была одной из навязчивых идей будущего рейхсфюрера СС; он рассматривал любые внебрачные связи как личное оскорбление.

Поэтому он дал задание мюнхенскому детективному бюро Макса Блюмля расследовать прошлое девушки. Блюмль прислал отчет 14 марта, но нетерпеливый Генрих обратился за два дня до этого к некоему чиновнику Рёсснеру: «Прошу вас безотлагательно сообщить мне все, что вам известно о фройляйн Штольце и в особенности о ее отношениях с вашим сотрудником Дафнером!» Брат Гебхард капитулировал и расторг помолвку.

Этот эпизод из жизни Генриха Гиммлера показывает, что тот, в отличие от большинства нацистских вождей, вырос в обеспеченной, добропорядочной бюргерской среде.

Гитлера замучили кошмарные воспоминания о рабочем доме в Вене; Геббельс был сыном рабочего-десятника; выходец из Прибалтики Альфред Розенберга ожесточила эмиграция; но Гиммлер – это действительно произведение чиновного класса, всего-навсего второй сын Гебхарда Гиммлера, школьного наставника, домашнего учителя.

Генрих появился на свет 7 октября 1900 года на втором этаже дома номер 3 по Хильдегардштрассе в Мюнхене. Гиммлеру-старшему не было нужды беспокоиться о будущем общественном положении сына: над новорожденным простиралась заботливая длань одного из влиятельнейших людей Баварского королевства – вительсбахского принца Генриха, бывшего когда-то учеником Гиммлера-старшего. Принц милостиво согласился дать ребенку свое имя и стать крестным отцом. С таким именем и таким крестным Генриху было обеспечено достойное место среди верных монархии граждан.

Никогда юный Гиммлер не ставил под сомнение авторитет родителей, не говоря уже об общественном устройстве. От отца он узнал, какими замечательными были древние германцы, уже тогда в нем была заложена основа вагнеровского исторического романтизма – мира, населенного мужественными германскими героями и их величественными женщинами, которым в недалеком будущем суждено было трансформироваться в нордическую расу людей-господ, в соответствии с потребностями нацистской диктатуры. Мальчик быстро научился обращаться с должным почтением к окружающим. Еще в школе он завел дневник, где все знакомые упоминаются при полных чинах и титулах.

Если у тебя в крестных отцах принц, ты, разумеется, должен стать офицером. Здесь и лежит ключ к пониманию натуры Гиммлера: он всегда мечтал вести свои войска к победе, но не мог сделать этого в действительности. Поначалу он хотел пойти во флот, но у него было слабое зрение, а во флот очкариков не брали. Тогда Генрих подумал о сухопутных войсках. 26 июня 1917 года папа Гиммлер написал: «Мой сын изъявил настойчивое желание стать профессиональным пехотным офицером». Генриху не терпелось попасть на фронт. Еще в феврале 1915 года, когда брат Гебхард вступил в ополчение, в дневнике Генриха появилась запись: «Ах, как бы я хотел быть таким взрослым и тоже воевать!» Слово в слово он переписывал фронтовые сводки Генерального штаба и упрекал обитателей города Ландсхута, куда семья переехала на жительство, в отсутствии военного пыла.

Генрих так упорствовал, что отец вынужден был просить своих друзей при дворе досрочно устроить сына на военную службу. Друзья обещали похлопотать. Примерно в это самое время молодой Гиммлер получил последний презент от своего крестного, уже убитого в бою. Управление двора сообщило Гебхарду Гиммлеру, что банкирский дом Оберндорфера уполномочен перечислить ему тысячу рейхсмарок из пяти-процентного военного займа. «Примите эту сумму в качестве дара Вашему сыну Генриху от его крестного отца – ныне покойного, его королевского высочества принца Генриха».

В конце 1917 года Генрих Гиммлер был зачислен в 11-й пехотный полк «Фон дер Танн». Однако военная карьера закончилась, фактически так и не начавшись. Незадолго до своей смерти рейхсфюрер рассказывал шведскому графу Бернадотту, как «вместе со своими согражданами ушел на войну», а в других источниках вообще говорится о том, что Гиммлер участвовал в сражении на Западном фронте. Все это чистый вымысел, Гиммлер никогда не был на передовой, он так и остался кадетом. Полгода у него ушло на начальную военную подготовку в

Регенсбурге, с 15 июня по 15 сентября 1918 года – кадетские курсы во Фрайзинге, а с 15 сентября по 1 октября он осваивал пулемет в 17-й пулеметной роте в Байройте. Через два месяца он был демобилизован из 4-й роты запасного батальона 11-го пехотного полка.

И, как ни странно, послевоенная неразбериха вроде бы предоставила Гиммлеру шанс сделать военную карьеру. В феврале 1919 года баварский премьер-министр Курт Айснер, принадлежавший к левому крылу социалистов, был убит офицером. Коммунисты тут же провозгласили Баварскую советскую республику. Законное правительство социал-демократов бежало в Бамберг, где вокруг него, даже против его воли, стало собираться войско. Оно состояло в основном из бывших фронтовиков и добровольцев, которые называли себя фрайкор – вольный корпус. Берлин поднял регулярные войска рейхсвера, и в апреле 1919 года фрайкор изготавился к походу на Мюнхен. В небольшой отряд лейтенанта Лаутенбахера записался и Гиммлер, но опять пропустил бой: эта часть не дошла в Мюнхен, и Гиммлер так и остался «солдатом на плацу». Однако руки не сложил и 17 июня 1919 года он отправил письмо в штаб 11-го пехотного полка с просьбой выдать ему его военные документы «в связи с тем, что в ближайшие дни меня переводят в рейхсвер».

С рейхсвером тоже ничего не вышло. Дело в том, что утрата высокого покровительства при дворе и растущая инфляция подсказали прагматичному Гиммлеру-старшему единственно правильное решение относительно дальнейшей судьбы сына: Генриху следует заняться чем-нибудь более солидным и пригодным для мирных времен. Например, сельским хозяйством. Тот согласился, потому что сельское хозяйство его тоже очень интересовало, разумеется, после военного дела. Еще мальчиком он собрал огромный гербарий, и прямо-таки болезненное пристрастие к цветам и всяческим растениям все усиливалось. Позже это ляжет дополнительным бременем на узников нацистских концентрационных лагерей: каждый лагерь должен выращивать все мыслимые травы, так как рейхсфюрер СС ценил их целебные качества выше лекарств.

Но и с фермерством неудачи гнались за ним по пятам: только-только Генрих Гиммлер приступил к обучению в крупном крестьянском хозяйстве под Ингольштадтом, как его свалил тиф. Врач по фамилии Грюнштадт решил: «Работу прекратить на год и поучиться». После выздоровления, 18 октября 1919 года, Гиммлер был зачислен на сельскохозяйственное отделение Высшего технического училища при Мюнхенском университете.

Ничего удивительного, если бы Гиммлера сломили пережитые неудачи и он превратился в «одинокого волка», брошенного всеми на задворках общества, как говорят легенды.

Но все наоборот! В Мюнхене начался самый светлый, безоблачный период его жизни, поставивший перед биографами массу проблем.

Он был дружелюбен, всегда готов помочь, очень прилежен и довольно нуден. Однажды он явился на вечеринку с маскарадом в костюме турецкого султана Абдул-Хамида. Он пережил несчастную любовь к девушке по имени Майя Лориц. В нем развилась страсть гурмана. И никто не подозревал, что вот он, перед ними, – будущий массовый убийца.

Правда, политика и военные дела по-прежнему завораживали его. Согласно членскому удостоверению от 16 мая 1920 года, он записался в Мюнхенский отряд самообороны и получил на складе 21-й стрелковой бригады «1 винтовку и 50 патронов к ней; 1 стальной шлем; 2 патронташа, 1 мешок для сухарей (старого образца)». 1 декабря 1921 года Гиммлер считал великим днем в своей жизни: пришло сообщение из рейхсвера, что ему присвоено звание прапорщика. Вместе с группой других националистов – студентов и офицеров – Генрих готовил заговор, чтобы освободить из тюрьмы убийцу премьер-министра Баварии Айснера – графа Арко-Валлея. Когда же смертный приговор графу был заменен пожизненным заключением, заговорщики отказались от своего плана. По этому поводу Гиммлер особо расстраиваться не стал. Он невозмутимо записал в дневнике: «Что ж, как-нибудь в другой раз».

У него были гораздо более неприятные проблемы. В ноябре 1919 года он вступил в студенческое объединение «Аполлон» и теперь ломал голову, как примирить свою новую жизнь

со строгим католическим воспитанием и слабым желудком. Дело в том, что церковь запрещала драки, а врач – пивные возлияния. Проблему пива он уладил сравнительно легко – братство выдало ему специальное освобождение от пивных застолий. Безусловно, сотоварищи не слишком дорожили им и провалили на следующих же выборах «Аполлона». Долго не мог он найти партнера для драки: сокурсники считали его малоспособным и в этой области. Только в последнем семестре в июне 1922 года нашелся студент, изукрасивший Гиммлеру физиономию; тогда и у будущего главаря СС тоже появились шрамы, без коих он не представлял себе истинно тевтонского воспитания.

Церковное табу на поединки, на борьбу оказалось куда более серьезной проблемой, чем пиво! Гиммлеры всегда относились к верным католикам. Кузен Генриха – Август Вильгельм Патин даже стал каноником кафедрального собора в Мюнхене. Да и сам Генрих Гиммлер считался прилежным прихожанином. Посещение воскресной мессы являлось для него не просто ритуалом, а внутренней потребностью. В дневнике он каждый раз записывал впечатления от мессы и порой отмечал: «В этой церкви я чувствовал себя особенно хорошо». Когда от девушки, за которой он робко ухаживал, Генрих услышал, что она причащается каждый день, он записал в дневнике: «Это была самая большая радость, что я испытал за последние восемь дней!»

Вступление в студенческое братство отодвинуло в тень отношения с церковью. Ничего похожего на резкий разрыв, просто постепенно Генрих отдалялся все больше и больше. Поначалу он пытался сохранить в себе церковное неприятие поединков, тем более что и сам действительно питал отвращение к дракам, но настоятельная потребность соответствовать своему кругу (тоже семейное наследие) одержала верх над религиозной традицией. «Я полагаю, что вступил в конфликт со своей религией, – записал Гиммлер в дневник 15 декабря 1919 года. – Но, что бы ни произошло, я всегда буду любить Господа, буду ему молиться, я навсегда останусь верным сыном католической церкви и буду ее защищать, даже если она отвернется от меня». (И это писал человек, который в будущем заставит десятки тысяч эсэсовцев отречься от церкви и предложит прилюдно казнить папу римского.)

Новое отношение к церкви оставило неприятный осадок, но и только. К тому времени его интересы уже перенеслись в сферу мирской суеты. Политика и религия отошли на задний план: его захватывала полная соблазнов жизнь буржуазного Мюнхена, обеды у фрау Лориц и вопросы пола, волновавшие молодежь.

Анна Лориц, вдова оперного певца, приходилась Гиммлерам дальней родственницей. Она содержала семейный пансион на Егерштрассе. Генрих влюбился в ее дочь Марию (все звали ее Майя), но ему перебежал дорогу будущий торговец кожгалантереей из Штутгарта Ганс Книпп, оказавшийся более удачливым ухажером. Большая семья Гиммлеров частенько собиралась вместе под гостеприимным кровом пансиона. «Когда все пятеро появлялись в доме Лориц, там начинался веселый переполох, – вспоминал позже Книпп, – семья Г. могла быть уверена: у доброй тетки Лориц всегда для них накрыт хороший стол».

Генрих бывал, естественно, и на вечеринках, которые устраивала фрау Лориц. «Учишься ли ты танцевать?» – поинтересовался как-то в письме сослуживец по полку Роберт Кистлер, и Гиммлер тут же стал брать уроки танцев, чтобы не спастись перед красавицей Майей. В январе 1920 года он даже овладел модным тогда бостоном. Вместе со своим приятелем Людвигом, или Лу, он стал завсегдатаем мюнхенских традиционных карнавалов. Даже подобные развлечения он считал событиями, достойными записи в дневнике: «Зал был разукрашен под восточный гарем, – описывал он прием в доме тетки Лориц. – В углу у камина – большой шатер для меня и Лу... Фрау Лориц наготовила необыкновенно много. Подали какао, и я пролил его себе на штаны...»

Гиммлер был так занят своей собственной жизнью, что от него ускользнуло одно немаловажное событие – состоявшийся в это самое время в Мюнхене съезд НСДАП. Американские

историки Вернер Анг्रेस и Бредли Смит пишут о Гиммлере тех дней как о молодом человеке, который «мыслил банальными категориями, наслаждался ценностями баварского среднего класса и казался в целом добродушным, бесцветным, вполне заурядным».

Его усердие не знало границ. Во время рождественских каникул он носил булочки для бедной старушки, читал слепому, играл в благотворительном спектакле в пользу бедных венских детей и бегал с одного собрания на другое, являясь членом бесчисленных кружков и объединений: разведения домашних животных, сельскохозяйственного, гуманитарного, стрелкового, ветеранов войны, альпинистов, туристов, спортсменов, полковых товарищей. При таком количестве членских билетов человек не может испытывать трудностей в общении с окружающими. Политические взгляды молодого Гиммлера были простым отражением взглядов и предрассудков его среды: обычный национализм среднего класса, без следа фанатизма и веры в призраков, свойственных нацистскому мировоззрению.

В ту пору он принадлежал к баварским консерваторам. Чтобы проводить в последний путь бывшего короля Людвига III, он взял напрокат цилиндр и фрак; на выборах студенческого комитета отдал свой голос националистам: Генрих гордился тем, что он баварец. В тот период даже его замечания в адрес евреев были умеренными и не переходили рамки приличия. В связи с убийством министра иностранных дел Ратенау Гиммлер бросил фразу: «Я доволен», однако тут же поспешил добавить, что покойный был «весьма толковым человеком». Своего одноклассника Вольфганга Халльгартена он называл «вшивым еврейчиком», но просто смеялся; а свою знакомую по бару «Рейхсадлер», танцовщицу еврейского кабаре Инге Барко, изгнанную из дома за связь со студентом, Гиммлер считал «девушкой, достойной уважения».

И только в одном вопросе дневники указывают на агрессивность, свойственную позднему Гиммлеру: он никак не может смириться с постигшей его неудачей в военной карьере. Когда Майя Лориц, девушка его мечты, окончательно дала несчастному влюбленному отвод, Генрих решил, что только война и солдатская жизнь смогут принести успокоение его измученному сердцу. 28 ноября 1919 года он записал в дневнике: «Если бы сейчас я мог смотреть в лицо опасности, рисковать жизнью, сражаться – это стало бы для меня освобождением». 22 ноября 1921 года впервые проявился стиль будущего, зрелого Гиммлера. Он пишет: «Если начнется новая война на Востоке, я буду участвовать. Восток для нас важнее всего. С Западом будет легко покончить. На Востоке надо бороться, его следует колонизировать». Со временем тяга Гиммлера к военщине все усиливается. 19 февраля 1922 года: «Скорей бы снова сражения, война, выступление войск!» 11 июня 1922 года: «Наверное, я, так или иначе, все же попаду на службу. Я же в основе своей – солдат... Но сначала сдам экзамены».

В июле он сообщил родителям: «Пока на экзаменах я чувствую себя достаточно уверенно». Но затем в жизнь Генриха Гиммлера ворвался капитан Эрнст Рем и предложил неудачливому влюбленному перспективу удовлетворения его милитаристских амбиций.

Когда впервые встретились эти двое, чьи судьбы связались таким кроваво-драматическим узлом, установить не представляется возможным. Уже не раз пересекались их пути: в конце 1918 года Рем служил при штабе 12-й Баварской пехотной дивизии в Ландсхуте, где тогда проживали Гиммлеры, позже он руководил вооружением и снабжением в 21-м стрелковом полку, со складов которого Гиммлер в мае 1920 года получил свое первое оружие. К тому же Рем являлся основным поставщиком оружия для полу легальных оборонных организаций – своеобразного ополчения, народной милиции, сформированной в тени официального рейхсвера. Запись в дневнике Гиммлера свидетельствует, что в январе 1922 года они увиделись на собрании одного из таких отрядов в мюнхенской пивной «Арцбергеркеллер». «Капитан Рем и майор Ангерер (бывший ротный командир Гиммлера) тоже там были. Все очень дружелюбно, Рем пессимистически настроен к большевизму».

Капитан произвел на Генриха сильное впечатление. Он снова чувствовал себя кадетом, зеленым новобранцем, не в силах отрешиться от мысли, что на военной иерархической лест-

нице Рем стоит на несколько ступенек выше. Встречаясь с «господином капитаном», Гиммлер и в дальнейшем всегда внутренне вытягивался в струнку. Казалось бы, несовместимая пара: отмеченный наградами и боевыми шрамами воин Первой мировой – и добропорядочный бюргерский сынок, этакий гомосексуальный «солдат удачи» Эрнст Рем – и «нравозащитник» Генрих Гиммлер... Однако капитан сумел найти верный подход к студенту. Для старшего товарища Гиммлер был готов на все.

Сдав 5 августа 1922 года выпускные экзамены и получив должность сельскохозяйственного ассистента на фабрике удобрений в Шляйсхайме, он сразу вступает по совету Рема в националистическую организацию «Рейхсфлагге» («Флаг империи»). Наконец-то он был удостоен чести снова носить униформу. Форма была, разумеется, не армейская, просто серая куртка-ветровка да ботинки с обмотками. Но это была ФОРМА! Субботними вечерами, после работы, Гиммлер с упоением занимался военными упражнениями готовясь с единомышленниками к уличным боям будущей гражданской войны...

Вскоре у Гиммлера появилась возможность делом доказать свое восхищение Ремом. В конце августа 1923 года он оставил работу в Шляйсхайме и переселился в Мюнхен, где уже в ноябре, во время «пивного путча» Адольфа Гитлера впервые вплотную столкнулся с нацистским движением.

Организация «Рейхсфлагге», после внутренних раздоров переименованная в «Рейхскригсфлагге» («Имперский военный флаг», сокращенно – РКФ), перешла к этому времени в руки Гитлера и Рема. Эрнст Рем давно уже был членом гитлеровской партии и знал, как уговорить своих друзей вступить в НСДАП. Гиммлер тоже вступил. Это еще не значит, что он стал настоящим нацистом. Своим вождем он считал вовсе не Гитлера, а Рема, и символом будущего ему казалась не свастика, а знамя монархии.

Вечером 8 ноября 1923 года Гиммлер предстал перед сподвижниками с военным знаменем в руках. Это было на собрании РКФ, проходившем в мюнхенской пивной «Лёвенбройкеллер». Туда поступило сообщение, что Гитлер, размахивая пистолетом, убедил ведущих политиков и военных Баварии, собравшихся в другой пивной – «Бюргербройкеллер», выступить против «ноябрьских преступников» в Берлине. Рем вспоминал, что люди в порыве энтузиазма «вскакивали на стулья, обнимались, многие плакали от радости и восторга. Солдаты рейхсвера срывали с фуражек желтые кокарды. „Наконец-то!“ – этот вздох облегчения вырывался из каждой груди».

Рем вручил Гиммлеру военный флаг империи, на котором только что присягали бойцы РКФ, и дал приказ к выступлению. Дикая толпа быстро построилась в походную колонну и направилась в сторону «Бюргербройкеллер», где Гитлер и баварская политическая верхушка – государственный комиссар фон Кар и генерал рейхсвера фон Лоссов договаривались о «народной революции». Однако по пути колонну остановил гонец от Гитлера. Он передал Рему приказ захватить здание военного министерства, где располагался штаб VII (Баварского) военного округа. Капитан сделал, как велено. Через час военное министерство было в его руках.

Окна здания ошетинились стволами винтовок и пулеметов четырехсотенного ремовского войска. Однако капитан уже начал осознать: что-то идет не так.

Все действительно пошло «не так»: оправившись от изумления, политики и генералы решили нанести ответный удар. Ранним утром 9 ноября грохот танковых моторов известил об этом «защитников» здания военного министерства. Части рейхсвера и полиции выдвигались вперед, блокируя все дома вокруг; артиллерийские расчеты готовили к бою орудия и пулеметы.

Наступила убийственная тишина. На Людвигштрассе у ограждения из колючей проволоки, разделявшей противников, стоял Гиммлер, вцепившись в древко военного флага.

Гитлеровский порыв безумия причудливо перемешал в этой толпе будущих друзей и врагов; рядом стояли будущие убийцы и их жертвы. Рядом с Гиммлером – Рем, будущий вождь штурмовиков, через одиннадцать лет его убьют эсэсовцы, посланные его нынешним знаменос-

цем. Дальше – будущий начальник разведки СА граф Мулен-Экарт, он встретит свой конец в концлагере Гиммлера.

По ту сторону колючей проволоки лейтенант рейхсвера Герман Хефле, бывший адъютант Рема и тайный член «Рейхскригсфлагге». Летом 1934 года он предупредит своего бывшего шефа о смертельной опасности, а позднее, уже в ранге генерала войск СС, надоест Гиммлеру хуже занозы в мягком месте.

Вот уж точно: не знаешь, кто тебе завтра друг, кто враг. Фон Кар и Рем, враги в 1923 году, – оба приняли смерть от рук эсэсовских головорезов, и в один день – 30 июня 1934 года. Мало кто из действующих лиц 1923 года пережил историю черного ордена. Среди них – бывший командир Рема Франц фон Эпп, пытавшийся в тот день примирить Кара с путчистами. Но попытка посредничества не удалась. Рему пришлось капитулировать перед рейхсвером и полицией и сложить оружие. Только безоружных выпускали за оцепление. Итог: движение Гитлера и Рема было разгромлено, капитана посадили в тюрьму Штадельхайм.

Гиммлер остался один, без идола, без униформы, без веры. Он переживал кризис: прежнюю работу потерял, а новую, несмотря на многочисленные попытки, найти никак не удавалось, Майя Лориц решительно его отвергла, а политическая борьба принесла полное разочарование. Лишь благодаря моральной поддержке своих новоявленных почитательниц Гиммлеру удалось остаться на плаву. Они на самом деле верили, что 9 ноября 1923 года бравый знаменосец совершил подвиг исторического значения. Одна поклонница буквально упивалась воспоминаниями: «Перед военным министерством – колонны „Рейхскригсфлагге“. Впереди – Гиммлер со знаменем. Видно, как надежно чувствует себя знамя в его руках и как он горд этим. Я подхожу к нему, не в состоянии произнести того, что звучит во мне:

Гордитесь – я знаменосец!
Не бойтесь – я знаменосец!
Любите меня – я знаменосец!»

Подружка Гиммлера Мария Р. (возможно, Мариэле Раушмайер), направляя «знаменосцу» письмо неизвестной поклонницы, сделала следующую приписку: «Это письмо – моему другу Генриху. Оно должно стать маленьким знаком горячей благодарности и дорогих воспоминаний о подвиге, который вновь научил нас надеяться».

Гиммлер все же решил остаться в политике. Когда НСДАП была запрещена, движение раскололось на две «народных» группировки. Он сделал выбор в пользу национал-социалистического освободительного движения, возглавляемого генералом Людендорфом. К данному объединению также принадлежал случайный знакомый Генриха, ландсхутский аптекарь Греггор Штрассер, по-деревенски хитрый и напористый, считавшийся истинным главой «освободительного движения». Штрассер быстро распознал в Гиммлере организаторский талант и сразу привлек его к работе.

На май 1924 года были намечены выборы в рейхстаг. Враги республики решили, что это удобный случай – перехватить «оружие демократии» и уничтожить демократию. Штрассер хотел, используя гитлеровский путч, ставший сенсацией для всей Германии, провести своих нацистов в рейхстаг. Первый спектакль предвыборной борьбы увлек Баварию. Привычной чертой предвыборной шумихи стал треск мотора шведского мотоцикла. На нем восседал затянутый в кожу пропагандист: он носился по деревням Нижней Баварии, распространяя послания Грегора Штрассера.

Мотоциклист Гиммлер побил все рекорды нацистской демагогии. Он разоблачал евреев и масонов, натравливал крестьян на финансовых магнатов, воспевал будущий мир, населенный исключительно благородным крестьянством, он метал гром и молнии в сторону большевизма,

клеил демократию и другие направления рациональной политики. Не зная ни отдыха, ни усталости, переезжал он из одной деревни в другую. Вот запись в его рабочем календаре:

- «– 23.02.24: речи в Эггмюле, Ландвайде и Бирнбахе;
- 24.02.24: выступления в Кельхайме и Заале, затем индивидуальная работа;
- 25.02.24: полуторачасовая речь в Роре».

«У меня ужасно много дел, – писал Гиммлер своему другу Кистлеру. – Я должен создать организацию на территории всей Нижней Баварии и направлять ее работу». Его усилия не пропали даром: движение Штрассера получило почти 2 миллиона голосов и смогло провести в рейхстаг 32 депутата.

Однако успех на выборах не обрадовал Гиммлера. Он засомневался: а является ли движение, к которому он примкнул, по-настоящему перспективным? Другу Кистлеру он жаловался: «Никакие самоотверженные усилия, по-видимому, не принесут нам, народникам, быстрых и видимых результатов» – и добавлял, что по его ощущению он поддерживал «заведомо проигранное дело».

Разногласия между группировками, интриги противников и сторонников находящегося в заключении Гитлера смущали слабохарактерного Гиммлера. И вот он стоит в полной растерянности – член экстремистской крайне правой группировки, озираясь в поисках своего идола – вождя, под которого можно приспособиться. Он готов стать рабом, но не видит хозяина. Он готов верить во что угодно, но вот во что? Он страстно желает играть роль в истории и уже представляет себя мучеником. В дневнике Гиммлера есть и такие строки:

Даже если будешь ранен,
Встань, борись, держись!
Подними повыше знамя,
Пусть ценою – жизнь!

И далее – о том, что он приведет других к победе и славе, о которых мечтал и за что готов отдать свою жизнь. Проблема была в неизвестности, что это за знамя и в чем состоит то самое святое дело, за которое стоит отдать жизнь? Генрих Гиммлер прекрасно знал только то, что никакой он не спаситель, он не рожден для великих дел. Постоянно его точили сомнения, будущий всесильный рейхсфюрер так и не смог увериться, что создан быть лидером. В дневнике Гиммлер честно записывал, что думает о себе самом. Так, он считал, что ему не хватает внутренней опоры, что слишком много болтает лишнего, сыплет дурацкими шутками. Однажды написал: «Какое все-таки жалкое создание – человек!» В другой раз: «Я просто болтун и пустая погремушка. У меня не хватает энергии. Ничего не получается... меня считают парнем, которому все дается играючи, который всегда обо всем позаботится: „Хайни? Он справится!“» Это относится к началу 1922 года.

Он до такой степени не понимал себя, что даже стал носиться с мыслью об эмиграции. Изучал русский язык, чтобы уехать куда-нибудь на Восток, осесть в деревне, заняться там крестьянским трудом. В другой раз он представлял свое будущее в Перу или в Турции. За период с 1919-го по 1924 год упоминания о планах эмиграции встречаются в дневнике Гиммлера раз пятнадцать.

В конце концов этот нерешительный суеверный человек пришел к убеждению, что его преследует злой рок. Позже, годы спустя, он писал жене: «Нам, ландскнехтам, на роду написано быть одиночками, изгоями», на что получил следующий ответ: «Довольно видеть все в черном цвете! Оставь будущее в покое – оно само распорядится». Через несколько дней фрау Гиммлер выразилась еще яснее: «Опять у тебя одно и то же: новый год будет неудачным! Ты что, стал

астрологом и веришь, что над нами довлеет Марс и поэтому нас ждут сплошные несчастья? Прошу тебя, оставь это».

Справиться со своими мучительными сомнениями Гиммлер смог лишь тогда, когда на его горизонте появился человек, ставший для него полубогом, – Адольф Гитлер.

Из тюрьмы Ландсберг Гитлер был освобожден в декабре 1924 года. Он сразу приступил к восстановлению своей запрещенной и расколовшейся партии. То, что Гиммлера смущало в лагере народников, Гитлер смог устранить в течение года. 27 февраля 1925 года ему удалось объединить под своим руководством Национал-социалистическую и Народную партии Баварии, сформировав новую НСДАП. Еще через два месяца он образовал СС, потом разобрался с внутренней оппозицией в собственном лагере, а к концу 1926 года собрал собственную партийную армию – СА.

Гиммлер, подсознательно искавший, кому бы подчиниться, чутьем понял, что нашел своего идола. В августе 1925 года он получил членский билет обновленной НСДАП и вскоре после этого очутился в убого обставленном помещении рядом с церковью Святого Мартина в Ландсхуте в качестве секретаря Грегора Штрассера, с окладом 120 марок в месяц. Штрассер, руководивший тогда пропагандой в Нижней Баварии, был рад загрузить помощника. Гиммлеру поручено было поддерживать постоянную связь с самыми отдаленными нацистскими группами. В итоге для нацистов из баварской глубинки он и его мотоцикл стали олицетворением партийного руководства. Через некоторое время Гиммлера выдвинули на должность управляющего делами партийного округа (гау) Нижней Баварии.

Устоялось мнение, будто бы Гиммлер подобно рейнскому оратору Йозефу Геббельсу был искренним приверженцем идей Штрассера – будущего противника Гитлера. На самом деле Гиммлер считал себя скорее конторским служащим правления партии, чем соратником Штрассера. Когда тот перебрался в Берлин, став северогерманским противовесом фюрера, Гиммлер плотнее придвинулся к своему вождю. Никто не знает, когда впервые встретились эти двое. Известно, однако, что Гиммлер до конца своих дней так и не сумел преодолеть в себе робость, постоянно возникавшую при общении с «величайшим умом всех времен и народов», как он называл Гитлера.

Еще работая в Ландсхуте у Штрассера, Гиммлер по-детски преклонялся перед вождем. Один его приятель рассказал английскому писателю Вилли Фришауэру, что Гиммлер нередко вполголоса бормотал что-то, обращаясь к портрету Гитлера, висевшему у него в конторе. А при телефонных разговорах с фюрером Гиммлер вытягивался по стойке «смирно» и шелкал каблуками. Был случай во время войны, когда массажист рейхсфюрера Феликс Керстен ответил на телефонный звонок Гитлера. Так Гиммлера после этого просто распирало: «Господин Керстен, вам известно, с кем вы только что говорили? Вы слышали голос ФЮРЕРА! Вот удача! Напишите сейчас же об этом супруге! Представляю, как она будет счастлива что вам выпал такой исключительный случай...»

Дни борьбы, когда он находился рядом с Гитлером, были величайшим взлетом его карьеры. «Это было славное время, – взволнованно вспоминал он уже в 1945 году. – Мы, бойцы нашего движения, постоянно подвергались смертельной опасности. Но страха мы не испытывали. Адольф Гитлер сплотил нас и повел за собой. Эти годы – самые лучшие в моей жизни».

Служа фюреру, он без устали носился на мотоцикле по сельским дорогам, сжигаемый честолюбием и болями в желудке, доводившими его порой до обморока. «Это колоссально – то, что вы делаете, – восхищалась осенью 1927 года одна из его берлинских поклонниц. – Но вы слишком много требуете от себя, и вот ваш организм мстит вам. Справедливо: организм прав». «Ты опять в дороге, и мне приходится думать, что вся твоя жизнь – одна сплошная гонка!» – отчаивалась будущая жена.

Гитлер воздавал ему по заслугам, и Гиммлер поднимался по лестнице партийной иерархии: в 1925 году он стал заместителем гауляйтера Верхней Баварии – Швабии, в том же году –

заместителем главного пропагандиста партии, а в 1927-м – заместителем рейхсфюрера СС. За несколько лет нерешительный, не имеющий цели в жизни студент превратился в фанатичного приверженца Гитлера, поражавшего фюрера выдающимися организаторскими способностями. Но одна только оргработа Гиммлера не удовлетворяла. Он желал быть наставником и воспитателем, мечтал вывести партию и нацию к «истинным источникам жизни».

Долговременное пребывание в сельских краях Нижней Баварии сделало для него неодолимо притягательной философию «крови и почвы». С самого нежного возраста благодаря своему романтическому восприятию истории Гиммлер привык видеть в крестьянстве первоисточник народной силы. Позже он заявлял: «Человек на своем собственном участке земли – вот источник мощи и становой хребет национального характера германской нации». Он говорил, что «по происхождению, крови и характеру я и сам тоже крестьянин». Гиммлер не мог себе представить великих людей истории иначе, как выходцами из крестьянства. Своего любимого героя, саксонского короля и покорителя славян Генриха I Птицелова (876–936) он тоже причислял к «крестьянской знати народа».

После университета, околдованный народнической пропагандой, он рисовал себе общество будущего, построенное на простых, крестьянских ценностях. Сохранилась недатированная записка: сельскую школу он считал ячейкой государства типа «назад – к земле!»; взаимоотношения учителей и учеников там являют «картину истинной немецкой государственности» и потому должны стать предвестниками нового общества.

Учителями в этой школе, равно как и среди всего воображаемого «народа», должны быть «мастера» и их помощники обоего пола. Мужчины должны обладать «качествами вождя», они обязаны уметь распознавать «ложь и обман этого мира». А учительницам надлежит быть милыми, жизнерадостными, высоконравственными; они обладают настоящим материнским чувством и не знают недугов, свойственных современным городским женщинам. Они сильны и грациозны и с удовольствием оставляют за мужчинами право последнего слова. Домашнее тепло будет способствовать тому, чтобы эта «школа» стала духовным центром притяжения и для горожан, для поэтов и художников; домом, всегда открытым для соотечественников. Рабочие городов тоже должны иметь возможность черпать силы в этом источнике, чтобы пройти через предрассудки современности. Вот они – начала нацистской и эсэсовской общественной утопии! «Никакие ценности, даже знания, не могут стоять выше характера и убеждений», – утверждал геополитик Гиммлер, представляя воображаемый продукт своей лаборатории – людей «со стопроцентным здоровьем, крепкой нервной системой и сильной волей, которым постоянная тесная связь со школой помогает вырасти и стать вождями своего народа».

Гиммлеру даже удалось найти единомышленников, готовых воплотить его фантазии. Они приобрели ферму в Нижней Баварии и предоставили ее в распоряжение Гиммлера. Однако надежды на то, что «найдется еще немало благородных людей, способных в зависимости от их состояния и сил материально поддержать» его начинание, оказались тщетными. «Деревенская школа будущего» оставалась игрой воображения. Тем не менее Гиммлер не отступился от идеи своей сельской утопии. В конце концов, его отец был учителем, а значит, педагогический дар должен быть и у сына. И он решил, что рожден для великой просветительской миссии, даже готов был извлечь урок из случившегося.

Поучая окружающих, Гиммлер вечно донимал их рассказами, как бы поступили предки в том или ином случае. У него всегда был наготове подходящий пример из истории, чтобы проиллюстрировать настоящее и прикинуть, чего ждать от будущего. В годы войны, по словам его массажиста и самого близкого друга Керстена, Гиммлер мечтал о мирном времени, когда снова можно будет заниматься образованием. Керстен вполне серьезно считал, что в глубине души Гиммлер предпочел бы перевоспитывать восточные народы, а не истреблять их.

Из неудавшейся затеи с «деревенской школой» Гиммлер все же извлек пользу: впервые непосредственно столкнулся с трудностями, в которых билось немецкое крестьянство. Однако сделал из увиденного весьма своеобразные выводы, очень далекие от реальности.

Крестьянский мистик Гиммлер не разглядел тяжелейший системный кризис, настигший германское сельское хозяйство после прекращения бисмарковской политики протекционизма, а может быть, и раньше. Не осознал он и настоящей необходимости рационализации, отказа от непродуктивных мелких хозяйств. Гиммлер все воспринял совершенно иначе. Он увидел многоцветную, дьявольскую паутину с ярлыком: «Мировое еврейство». «Главным врагом крестьянства, – писал он в 1924 году, – является международный еврейский капитал, натравливающий горожан на сельское население». А происходит все это следующим образом: «С помощью спекуляций и рыночных афер еврейский капитал добивается низких цен от производителя и высоких цен при продаже. Сельский производитель, таким образом, меньше зарабатывает, а горожанин больше платит. Полученную прибыль заглатывает еврейство и его приспешники».

До «пивного путча» 1923 года евреи попадали в дневниковые записи Гиммлера как отдельные личности. Теперь они были объединены в некий общий страшный стереотип, и в каждом неарийце можно было подозревать диверсанта всемирного еврейского заговора. С этого момента евреи в сознании будущего рейхсфюрера превратились в предмет коллективного поношения. Гиммлер нашел своего врага.

В том же самом меморандуме он ссылается и на другого смертельного врага, без которого рейхсфюрер больше не сможет обойтись, – славян. «Только в борьбе со славянством, – доказывал Гиммлер, – немецкое крестьянство проявит себя и окрепнет, так как будущее лежит на Востоке... На Востоке имеются громадные территории, пригодные для обработки. Сейчас их держат крупные хозяйства. Сыновья фермеров и сельские рабочие должны переселиться туда, чтобы прекратилась практика, при которой второй и третий сыновья немецкого крестьянина вынуждены ехать в города. Расширение немецкого влияния будет способствовать тому, чтобы крестьянское население вернуло себе ведущую роль в Германии». Переселение, согласно Гиммлеру, – это также проявление немецкого национального духа: «Увеличение численности сельского населения будет также препятствовать нашествию рабочих масс с Востока. Как и шестьсот лет назад, немецкий крестьянин должен чувствовать себя призванным перед немецкой нацией бороться против славянской расы за обладание и увеличение территории святой матери-земли».

Не осознавая того, уже в 1924 году Генрих Гиммлер сформулировал два ключевых пункта программы будущих СС, дал обоснование антисемитской и антиславянской политики Третьего рейха.

Борьба со славянским «недочеловеком» и «всемирным еврейством» превратилась в идею фикс. В программе, конечно, пока отсутствовали фанатизм и псевдорелигиозный экстаз, однако в случае с Гиммлером это можно назвать точкой отсчета. Дальше политическая фантазмагория будет развиваться неудержимо.

НСДАП в тот период была еще не настолько влиятельной организацией, чтобы осуществить на практике крестьянские мечты Гиммлера, и тогда он примкнул к группе, серьезно воспринявшей его лозунг «Назад – к земле!». Это так называемые «артамены» – народническое крыло немецкого молодежного движения, идеалисты, помешанные на «собственном клочке земли». Большинство из них не были членами НСДАП, но их вождь Георг Кестлер – был. Однако и эти молодые люди молились «крови и почве», и им были присущи антиславянские комплексы. Так, например, они планировали вытеснить польских сельскохозяйственных рабочих с земель восточнее Эльбы и заставить вернуться в Польшу.

В 1924 году первая группа артаманов отправилась в Саксонию, чтобы выполнить то, что они считали своим долгом и перед экономикой, и перед соотечественниками в целом. (Возможно, хозяйство Гиммлера в Нижней Баварии тоже должно было служить целям этого

ордена.) Две тысячи человек разъехались по фермам Восточной Германии, где стали готовиться к отражению «нашествия славян».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.